

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1976
С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ !

Во время вручения наград

Фото В. Мусаэльяна и В. Мастюкова (ТАСС)

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

2 ноября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом Чехословацкой Социалистической Республики Г. Гусаком, находившимся в Москве по приглашению Центрального Комитета КПСС с кратковременным дружеским визитом. Встреча Л. И. Брежнева и Г. Гусака прошла в исключительно теплой, сердечной обстановке.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент Чехословацкой Социалистической Республики Г. Гусак в Кремле вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу высшие награды ЧССР — вторую Золотую Звезду Героя ЧССР и орден Клемента Готвальда. Этих наград Л. И. Брежнев удостоен за выдающиеся заслуги в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков, в развитии советско-чехословацкой дружбы, в борьбе за мир и социальный прогресс во всем мире.

При вручении чехословацких наград присутствовали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

Товарищи Г. Гусак и Л. И. Брежнев обменялись речами.

Вечером 2 ноября Г. Гусак отбыл на родину.

Москва, Кремль. 2 ноября. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2574)

6 НОЯБРЯ 1976

ПЛАНЫ ПАРТИИ ВЫПОЛНИМ!

Глубоко аргументированная, содержательная речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС вызвала живой интерес советских людей. В обстановке политического и трудового подъема выводы и положения этой речи широко обсуждаются на собраниях, митингах трудящихся в городах и селах Страны Советов.

В Москве закончила работу пятая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. Депутаты, обсудив доклады о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, а также о плане и бюджете на 1977 год, единодушно утвердили эти планы.

Сегодня мы публикуем отклики на речь товарища Л. И. Брежнева, на материалы Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР.

ДЕВИЗ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО

Эффективность и качество. Эти слова, поставленные Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым рядом, определяют ныне смысл и содержание каждого рабочего дня. Сегодня уровень свершенного нами определяется не только тем, **сколько** сделано, но и **как** сделано. На нашем заводе очень многие передовые рабочие имеют свое клеймо. Только у нас на участке пять таких человек. Сдаем свою продукцию, минуя ОТК, и мы с Евгением Ивановичем Соколовым, он тоже токарь, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Я соревнуюсь с ним.

Борьба за качество принесла зримые результаты — уже половину всей продукции завод выпускает с государственным Знаком качества. Почетный пятиугольник красуется на корпусе пассажирского тепловоза «ТЭП-60», который экспортируется во многие страны Европы, Азии и Африки. Этим знаком отмечены многие дизели.

Сделано немало, но впереди еще более сложные задачи. В речи товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС глубоко и всесторонне раскрыты пути дальнейшей реализации решений XXV съезда партии, четко и ясно определены те новые рубежи, на которые мы должны выйти за годы пятилетки. Мы еще недостаточно производим запасных частей для дизелей и серийных тепловозов. Нам предстоит освоить производство новых машин. Конструкторы СКБ создали новый грузовой локомотив специально для БАМа, он сможет водить составы весом 8—10 тысяч тонн со скоростью 120 километров в час. Уже в десятой пятилетке начнем выпускать его.

Н. МАСЛОВ,
токарь Коломенского тепловозостроительного завода имени В. В. Куйбышева, депутат Верховного Совета СССР

ВКЛАД ШАХТЕРОВ

У нас, карагандинских шахтеров, сегодня большой праздник: Леонид Ильич Брежнев в своей речи отметил, что шахтеры нашего объединения «Карагандауголь» достигли наивысшей в отрасли производительности труда. Я горжусь тем, что работаю там, что и моя бригада внесла свой вклад в достижение наивысшей производительности труда в этой отрасли народного хозяйства.

Наша шахта «Михайловская» известна тем, что месячная выработка на каждого работающего здесь самая высокая в бассейне — свыше 130 тонн. Давно ли добыча одной бригадой тысячи тонн угля в сутки в Кузбассе считалась рекордом, а сегодня это норма работы многих передовых коллективов. Уже в эти октябрьские дни «Михайловская» перевыполнила свое годовое обязательство: вместо 100 тысяч добыто 140 тысяч тонн угля.

В объединении «Карагандауголь» много хороших шахт. Среди них такая гигантская, как шахта имени 50-летия Октябрьской революции. На ней трудятся Герои Социалистического Труда К. Курпебаев и В. Тонкошкур. Их участки подошли уже к полумиллионному рубежу. Что обеспечивает успех? Ударный труд, современная горнодобывающая техника. В нашем распоряжении механизированные комплексы, мы быстро освоили их, сократили число людей, работающих под землей.

Нас окрыляет постоянная забота партии и правительства о шахтерах. С первого октября этого года несколько шахт, в том числе и наша, перешли на самую короткую рабочую неделю — тридцать часов. Радуют возросшие заработки, размах жилищного строительства. Ра-

Рабочие цеха точных подшипников 2-го Государственного ордена Трудового Красного Знамени подшипникового завода знакомятся с речью Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Три дня, с 27 по 29 октября, в Москве, в Кремле, работала пятая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва.

Депутаты заслушали и обсудили доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР депутата Н. К. Байбакова о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год и доклад министра финансов СССР депутата В. Ф. Гарбузова о Государственном бюджете СССР на 1977 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1975 год.

На раздельных заседаниях палат были образованы Постоянные комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства.

Верховный Совет СССР единогласно принял Закон о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, а также Закон о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год.

Верховный Совет СССР единогласно утвердил Государственный бюджет СССР на 1977 год, принял Закон о Государственном бюджете СССР на 1977 год, а также Постановление по отчету об исполнении Государственного бюджета СССР за 1975 год.

На сессии был заслушан и обсужден доклад министра культуры СССР депутата П. Н. Демичева о проекте Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры.

Верховный Совет СССР единогласно принял Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры.

Затем Верховный Совет СССР заслушал доклад секретаря Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе об Указах Президиума Верховного Совета СССР, вносимых на утверждение пятой сессии, и принял соответствующие законы и постановления.

На снимке: заключительное заседание пятой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва.

Фото А. Гостева

стет благосостояние народа, люди стали жить богаче. На сессии Верховного Совета СССР мы утвердили пятилетний план развития народного хозяйства на 1976—1980 годы. Он является воплощением широкой социальной программы, провозглашенной XXV съездом партии.

Я. МУСАГАЛИЕВ,
бригадир шахты «Михайловская» объединения «Карагандауголь», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

К НОВЫМ РУБЕЖАМ!

С огромным вниманием я, как и все советские люди, знакомился с речью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Леонид Ильич дал высокую оценку труду земледельцев в нынешней страде: «...люди не падали духом, трудились героически, делали все, чтобы получить хороший урожай. И они победили».

Эти слова будто специально адресованы нам, труженикам юга Украины. Погода нас не баловала и в этом году. С весны было все хорошо, а потом началась холодная засуха, в уборку — дожди и снова холод, даже заморозки. Кукуруза еще вся в росте, а уже подошли сроки озимого сева. Встретившись с Михаилом Ивановичем Клепиковым, я спрашивал у него: «Как там у вас на Кубани, не находит ли сев на уборку?» «Нет, — отвечал он, — такого у нас не бывает, разрыв есть всегда». А для кировоградской зоны подобные явления не редкость. Наших отцов и дедов в таких условиях непременно ожидал бы голод. Тем не менее моя бригада собрала и намолотила 31,6 центнера зерна с гектара. Не рекорд — бывало по сорок и выше. Это не намного больше прошлогоднего. Мы сделали все возможное.

Но вот что нас, механизаторов, беспокоит — техника. Ведь что получается? Если тракторами мы в какой-то степени обеспечены — еще не полностью, не хватает колесных тракторов типа «Беларусь», — то по части прицепных и навесных машин дела обстоят неважно. Тележек и лафетов к комбайнам мало! Что такое прицеп? Не такая уж мудреная техника: кузов на колесах, по существу, та же телега, только побольше емкостью. А нет ее... В результате вместо того, чтобы за световой день убрать трактором десять гектаров свеклы, люди убирают всего три. Мы, механизаторы, с огромным удовлетворением встретили слова Леонида Ильича Брежнева о том, что пора кончать с недостатками в работе машиностроителей.

Огромное внимание партии к механизации сельскохозяйственных работ вдохновляет нас на штурм новых рубежей.

А. ГИТАЛОВ,
бригадир тракторной бригады колхоза имени XX съезда КПСС, Новоукраинского района, Кировоградской области, дважды Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР

РАЗОРУЖЕНИЕ — ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Викентий МАТВЕЕВ

В борьбе за мирное будущее нашей планеты нет задачи важнее и объемнее, чем решение проблемы разоружения.

Все достигнутое до сих пор в ослаблении напряженности и налаживании сотрудничества между государствами с разным общественным строем на поприще мира представляет собой движение к главным, решающим рубежам, завоевание которых будет самым крупным, историческим броском человечества вперед — переходом к разоружению.

Остро, принципиально этот вопрос поставлен на XXV съезде нашей партии. Шаги, которые должны содействовать прогрессу в области разоружения, составляют ядро Программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятой XXV съездом КПСС.

О первостепенном значении, какое придает СССР прекращению гонки вооружений, сказано четко в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК партии, состоявшемся 25—26 октября.

Говоря о зарубежных откликах на эту речь, можно упомянуть высказывание председателя английского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество Гордона Шаффера. Он заявил, что «призыв к решительным мерам по ограничению гонки вооружений актуален как никогда». И уточнил, имея в виду собственную страну: «Бремя расходов на вооружения угрожает сейчас самому существованию Англии...»

Такое заявление не гипербола, а суровый для британского народа факт. И подтвердил его на днях не кто иной, как сам британский премьер-министр Джеймс Каллагэн, когда 25 октября выступал по лондонскому телевидению с заявлением, вызвавшим в штабах НАТО суматоху. Что же сказал Каллагэн? Он дал понять, что британские финансы, а вместе с ними и вся экономика страны очутились сейчас на краю катастрофы. И хотя Каллагэн не вдавался в детали, почему это так, его заявление о том, что, если экономическое положение страны не улучшится, Англии придется отказаться от ряда своих «обязательств перед НАТО», показывает, в чем коренятся основные причины обрушившихся на страну трудностей.

Речь идет о миллиардных суммах, ежегодно утекающих из британской казны по каналам таких обременительных «обязательств» — от содержания британских войск в ФРГ до разорительных программ производства вооружений.

Но то, что характерно в этом отношении для Англии, относится в равной мере к другим капиталистическим странам, где военно-промышленные комплексы — эти симбиозы милитаризма и бешеной коммерции — выкачивают гигантские суммы из карманов населения, из гражданской экономики на алтарь ненасытного Молоха, в сейфы тузов военного бизнеса.

Не мы начинали гонку ядерных вооружений. Но перед лицом таких вызывающих военных приготовлений держав НАТО наша страна не могла не принимать ответных мер. Пусть в штабах НАТО на этот счет не питают каких-либо иллюзий!

Однако наша страна заявляет снова и снова, что мы готовы к любым, в том числе и самым радикальным шагам в области разоружения. Об этом было сказано самым убедительным образом Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым на последнем Пленуме ЦК партии. С трибуны Пленума было заявлено, что наша страна тратит на оборону ровно столько, сколько нужно для обеспечения надежной безопасности Советского Союза, для совместной с братскими странами защиты завоеваний социализма. В то же время у нас нет большего желания, чем переключить средства, по необходимости отрываемые сейчас от народного хозяйства, на повышение жизненного уровня трудящихся, на созидательные цели.

Эти слова опираются на широкий комплекс конкретных советских внешнеполитических акций, инициатив, предложений, призванных вдохнуть жизнь в дело разоружения.

Мы были и остаемся оптимистами. Мы верим в дело разоружения потому, что верим в творческий, созидательный потенциал народов, верим в то, что время работает на пользу мира.

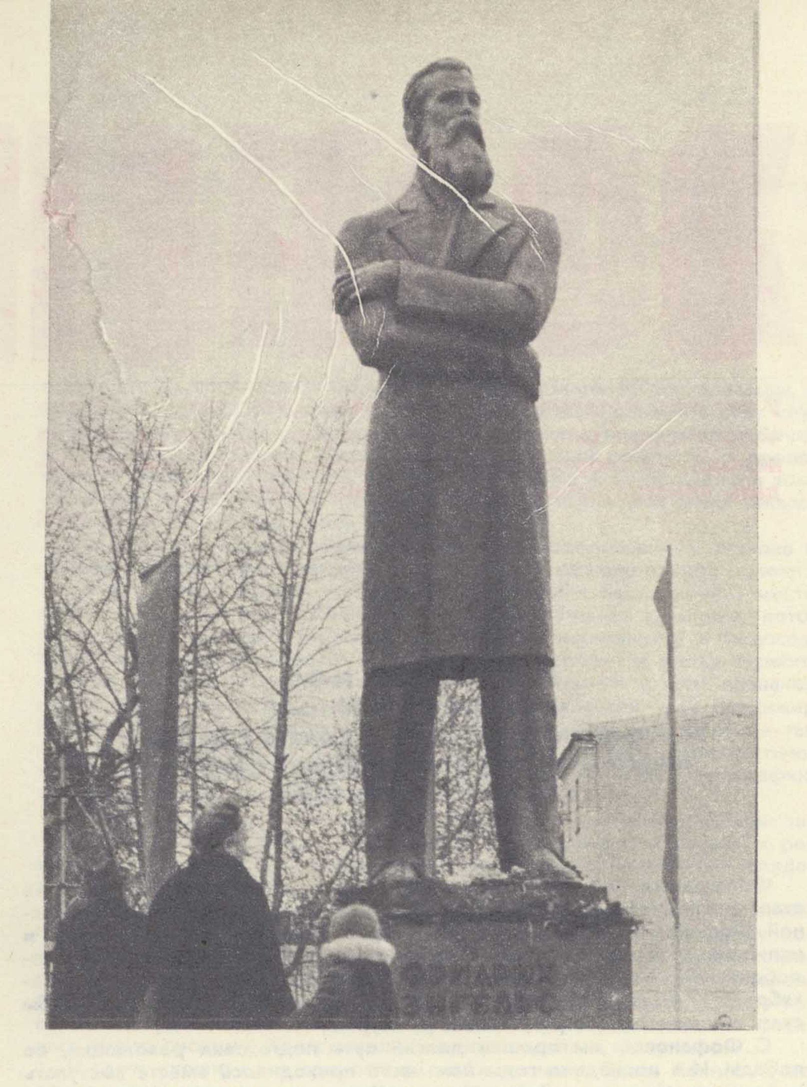
В Англии сейчас вышла книга «Первая жертва», рассказывающая о профессии военного репортера. В ней описывается, как репортеры английских газет в различных войнах прошлого и этого столетий, сидя на своих наблюдательных пунктах, обозревали поля сражений и посылали корреспонденции в редакции газет. А зачинщики таких конфликтов, в том числе и фабриканты оружия, сидели в своих кабинетах вдали от дыма сражений и знали, что над ними не просвистят пули и снаряды. В случае развязывания ядерного конфликта такое уже не повторится!

«...И в правящих кругах капиталистических государств постепенно растет понимание того, что в ядерный век ставка на развязывание нового мирового побоища столь же бесперспективна, сколь гибельна и преступна». Об этой непреложной истине напомнил в своей речи на Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Наша страна взяла на себя трудную, но благородную миссию быть первой в рядах борьбы за то, чтобы отвести от народов опасности, связанные с продолжением гонки вооружений. Наша партия призывает все народы, все страны объединить свои усилия для того, чтобы положить конец этому пагубному процессу.

Предстоит, выражаясь образно, взять самую массивную крепость, откуда исходит опасность для мирного будущего человечества. Кучка заправил военно-промышленных комплексов и реакционных политиканов, олицетворяющих силы современного империализма, обладает немалыми ресурсами. Но она уже не в состоянии добиваться всего, чего хочет, даже в пределах своих стран. Еще более сужены теперь ее возможности на широкой международной арене. Борьба в этой области может и должна увенчаться успехом!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПАМЯТНИК ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

2 ноября на Кропоткинской площади Москвы был торжественно открыт памятник Фридриху Энгельсу — пламенному революционеру, гениальному мыслителю, одному из основоположников научного коммунизма, вождю международного пролетариата, другу и соратнику Карла Маркса. Он сооружен по решению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР.

Тысячи москвичей собрались на митинг, посвященный знаменательному событию. Присутствуют член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, секретари Московского городского комитета партии, представители общественности. Здесь же посол ГДР в СССР Г. Отт.

Митинг открыл В. В. Гришин. Разрезается алая лента, медленно спадает покрывало. Перед взором собравшихся предстает отлитая из бронзы шестиметровая скульптура Фридриха Энгельса, установленная на пьедестале из красного гранита. Над площадью звучит Гимн Советского Союза.

На митинге выступили директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик А. Г. Егоров, бригадир проходчиков Метростроя Герой Социалистического Труда П. А. Новожилов и студентка Московского государственного университета Т. Ю. Зуйкова.

Монумент сооружен по проекту скульптора И. И. Козловского, архитекторов А. А. Заварзина и А. А. Усачева.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

---

5 НОЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 55 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РСФСР И МНР.

ГОБИ И... ТАБЛИЦА МЕНДЕЛЕЕВА

— Попробуйте-ка припомнить точное число элементов в таблице Менделеева! — предложил Виктор Михайлович Решетников.

Мы смущенно переглянулись и стали припоминать. Увы, как оказалось, наши школьные знания сильно устарели, ныне в знаменитую таблицу навечно вписаны сто пять элементов! И почти все они, как утверждал наш собеседник, член международной геологической экспедиции, которая была создана по предложению правительства МНР, находятся в недрах древней земли, где он и его друзья работают не один год. Со временем в ее состав войдет более 500 квалифицированных специалистов. А пока в Улан-Баторе уже действует штаб экспедиции.

Мы беседуем с его представителями.

Грохольский А. (ПНР). 11 лет назад я приехал сюда, мы делали тогда геологическую съемку в Западной Монголии. А завтра выезжаем на машинах в лагерь нашей международной экспедиции за 340 километров от столицы. Впервые мы будем действовать совместно с геологами еще шести социалистических стран. Наша экспедиция оснащается современным буровым и геофизическим оборудованием. Как известно, финансирование работ будет осуществляться на безвозмездной основе равными долевыми взносами всех стран — участниц экспедиции.

Димитров Н. (НРБ). Работать здесь очень интересно. Любой из нас скажет, что Монголия для геолога невероятно заманчива, оттого что в ее земле скрыты настоящие клады. Здесь создается новый тип международного коллектива, и подобного рода комплексных работ не было до сих пор в истории геологии.

Хейда А. (ЧССР). Думаю, что наша экспедиция, работа которой рассчитана на пятилетие, станет новой школой для нас всех. Геологи моей страны участвовали в разведке медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн — Обо, а в этом году нам предстоит заниматься поиском вольфрама. В Чехословакии каждый клочок земли многократно перебывал в руках геологов, а здесь что ни шаг — открытие, которое пойдет на пользу Монголии и всех ее друзей из стран социализма!

Грунер Х. (ГДР). При техническом содействии специалистов нашей страны разведаны золоторудные месторождения. Я сюда приехал уже в третий раз и сделал для себя одно очень важное открытие: Монголия завораживает красотой своих просторов и сердечным гостеприимством народа. Я знаю многих, кто, вернувшись на родину, тосковал по Монголии, стремился сюда и в конце концов снова возвращался. Я уверен, что так будет и со мной, и я искренне рад, что создание международной геологической экспедиции дает мне такую возможность!

— Приезжайте сюда летом — и прямо в наш лагерь,— предложил нам на прощание В. М. Решетников.— В это время работа уже будет в разгаре, и вы сможете рассказать читателям «Огонька» о том, как действует международный коллектив геологов и ученых.

Улан-Батор — Москва.

Н. ИВАНОВА,
фото Г. Копосова,
спец. корреспонденты «Огонька»

В штабе международной геологической экспедиции.

«МАКОТО» — ЗНАЧИТ «ПРАВДА»

...Грозовое небо. Штормовой ноябрьский ветер вздыбил закованную в гранит Неву. На свинцовых волнах — крейсер, ощетинившийся жерлами орудий. Иероглифы под гравюрой гласят: «Аврора». Решающий залп».

— История этой гравюры не совсем обычна.— Наш собеседник Уэно Макото достает из коробки цветные слайды.—Несколько лет назад мне выпало счастье побывать в Ленинграде. Все восхищает в этом городе, но особенно глубокие впечатления оставляют места, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией. У меня было мало времени: я не мог запечатлеть на полотне Смольный или сделать зарисовки Зимнего дворца. Пришлось ограничиться фотоснимками. Потом, вернувшись в Японию и демонстрируя «русские слайды» на своих лекциях о советском искусстве, я вновь и вновь задумывался: нельзя ли использовать какой-либо из этих слайдов для создания гравюры, посвященной русской революции? Остановился на «Авроре»...

Мы беседуем с Уэно Макото в его небольшом доме, что стоит на крутой, узкой улочке городка Нагареяма, в тридцати милях к северо-востоку от Токио. Этот дом хорошо знаком многим представителям современного японского искусства: здесь часто встречаются прогрессивные художники из Токио, Иокогамы, других городов, здесь, в скромной мастерской Уэно, иной раз далеко за полночь ведутся горячие дискуссии о путях развития японской живописи... Уэно, избравший своим творческим псевдонимом слово «Макото», что значит «Правда»,— один из ведущих мастеров «Дзиммин ханга»—японской «народной гравюры».

Еще в тридцатые годы, когда Уэно только-только стал приобретать известность как художник-график, критика выделила его серию работ, посвященных простым людям Японии: «Грузчик», «Сборщик тряпья», «Флейтист», «Слепые», «Дровосек». Война принесла в творчество художника новую большую тему — тему трагедии тысяч людей, павших жертвами американских атомных бомбардировок, тему борьбы жизни против смерти, света против тьмы.

— Мои ближайшие творческие планы? — Художник улыбается.— Они сейчас связаны не столько с живописью, сколько с путешествиями в Европу. В Берлине предстоит международная встреча графиков, Болгарский союз художников пригласил посетить Софию... Но если говорить всерьез, убежден, что каждая из этих поездок подскажет новые ракурсы той темы, которую я считаю главной для себя,— темы борьбы за мир, против милитаризма, против угрозы войны...

Он с минуту помолчал, задумавшись о чем-то.

— Что же касается планов более дальних, то они связаны с моей заветной мечтой — еще раз побывать в Советском Союзе, подышать воздухом красавца Ленинграда. Еще раз, и уже более капитально, вернуться к теме Октября, к теме славного крейсера «Аврора», чьи залпы навсегда разорвали темноту ночи...

Нагареяма (Япония) — Москва.

Юрий КОРНИЛОВ

ОЗАРЕН

У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

В. И. ЛЕНИН

Н. П. БОГДАНОВ,
член КПСС с 1914 года,
заместитель председателя Совета старейших энергетиков при Министерстве энергетики и электрификации СССР

Фотография, которую вы видите здесь, мне очень дорога. Она стала последней, на которой мы сняты вместе с Маргаритой Васильевной Фофановой — ветераном революции и нашей партии, верным и испытанным товарищем. Именно с ее конспиративной квартиры на Сердобольской улице Петрограда поздно вечером двадцать четвертого октября 1917 года Владимир Ильич Ленин отправился в Смольный, чтобы стать во главе самого решительного штурма.

С Фофановой мы прошли долгий путь подготовки революции, ее победы. И в последние годы нам часто приходилось вместе выступать перед самыми разными аудиториями. Когда я выступаю, а встреч у меня много, я начинаю свой рассказ с того, как Владимир Ильич добирался от Сердобольской улицы до Смольного. Конечно, все это известно, описана каждая минута октябрьского штурма, и молодежь со школьных лет начинает изучать историю революции, но как они слушают! Огромное счастье доставляет мне возможность смотреть в широко раскрытые глаза сегодняшнего нашего поколения. Да, пожалуй, никакая книга, никакой кинофильм не заменят живого слова очевидца. И я, пропагандист, чувствую себя в эти минуты словно бы связующим звеном между Великим Октябрем и делами, которые вершат, которые предстоит свершить им, молодым.

Я часто бываю в музеях. Недавно, например, почти целый день провел в Музее Революции. Там есть диорама — штурм Зимнего дворца. Непрерывным потоком идут мимо посетители. Знакомлюсь: шахтер из Донбасса, жители Нальчика, инженер из Заполярья, московские школьники, молодые воины... Не первый раз я здесь, и вновь, как всегда, поражаюсь, с каким интересом посетители всматриваются в воссозданные детали исторического сражения. И почему-то вспомнились пушкинские строки:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною...

Минувшие годы видятся нам счастливой зарей сегодняшнего светлого дня. Да, большое это счастье — сознавать себя участником великой революции и жить в стране, ставшей воплощением ленинской мечты.

Когда меня спрашивают, какой из моментов великого и бурного семнадцатого года запомнился мне больше всего, я отвечаю: третье апреля. Была теплая весенняя ночь. Мы встречаем на Финляндском вокзале Владимира Ильича, возвратившегося из эмиграции. Рядом — большевики, товарищи по подпольной борьбе, рабочие Петрограда, солдаты, тысячная толпа заполнила площадь. И мне кажется, что все, как и я, чувствуют: в эту ночь безвозвратно уходит все старое, отжившее. Вернулся Ленин, кончились годы нашего ожидания, вождь стал во главе революции... Мы провожали Ильича до особняка Кшесинской. Потом, взявшись за руки, ходили по набережным Невы. Пели песни. И, конечно, мечтали о будущем, прекрасном и пока еще неведомом для нас, простых рабочих, революционеров. А уже днем мне, депутату Петроградского Совета, посчастливилось видеть и слышать Ленина на собрании большевиков. Он излагал знаменитые Апрельские тезисы. В ленинских словах завтрашний день представлялся уже четким и понятным. Россия переходит от первого этапа революции ко второму, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Курс — на победу социалистической революции в России.

Россия... Несмотря на свою молодость, я хорошо уже знал свою страну — замученную, отсталую. Детство в голодной калужской деревне Левшино на Оке, убогая церковноприходская школа. Учительница, Мария Михайловна Постникова, отдавала всю свою душу, чтобы в невыразимо скудной нашей жизни нам помогли хоть крошечные крупицы знаний. Стихи Некрасова, Пушкина, Тютчева, сказки Толстого... Они скрашивали наши дни.

Двенадцати лет меня отдали учеником в малярный цех. Дальше были скитания по городам России вместе с такими же, как я, бесправными рабочими-строителями. У строителей было в то время особое поло-

НЫЕ ОКТЯБРЕМ

жение: не было никаких гарантий в труде, оплате. И вот однажды, в девятьсот двенадцатом году, в наш строительный сарай-ночлежку случайно попала «Правда». До рассвета мы читали о положении рабочих в стране, о волне забастовок в ответ на Ленский расстрел, о пролетарской солидарности людей труда. И нет ничего удивительного в том, что вскоре я уже сам стал распространителем «Правды», писал письма в газету о нашем бесправном положении...

Последовали годы подпольной работы, самообразования. Вступив в партию большевиков, я окончательно перешел на нелегальное положение в 1915 году. Законы конспирации вынуждали часто менять место жительства, фамилии. Богданов — это конспиративная фамилия, которая впоследствии так и осталась за мной, а по-настоящему я Федосов. Кстати, фамилией «Федосов» была подписана передовая статья первого номера журнала «Строитель», редактором которого я был назначен летом 1917 года. В создании журнала очень помогли нам Владимир Ильич и его сестра Мария Ильинична. Но первый номер журнала так и не вышел, вернее, он вышел уже после Октябрьской социалистической революции. Дело в том, что в июле, как известно, типографию «Правды» разгромили юнкера, а мы печатались там же.

Не вышел в свет журнал с передовой статьей, в которой были такие слова: «Только власть большевиков сможет вывести страну и революцию из тупика и дать изголодавшемуся народу — рабочим, солдатам и крестьянам мир, хлеб и свободу».

В дни Октябрьского восстания я стал командиром отряда Красной гвардии. 24 октября. Ночь. Смольный. Костры во дворе, повсюду вооруженные люди. Мы буквально валимся с ног от усталости, от непрерывных стычек с юнкерами. Но больше всего мучила неопределенность: что дальше? Кто-то сообщал — выступим на Зимний, другие говорили — будем выжидать. А вокруг — мы чувствовали это — готовилось что-то грозное. Контрреволюция переходила в наступление...

И вдруг словно буря пронеслась по Смольному. Здесь Ленин! Мимо отрядов юнкеров, сквозь тысячу опасностей Владимир Ильич прошел со своей конспиративной квартиры в штаб революции. Он знал, что теперь все решают мгновения, что промедление в выступлении смерти подобно, и стал во главе восстания.

Ветераны революции М. В. Фофанова и Н. П. Богданов.

Сна как не бывало. «Стройся!» Красногвардейцы двинулись к почтамту, к Центральной электростанции. Мы участвовали в освобождении вокзалов, захватили мост на Васильевский остров. А утром держали в руках пахнущее свежей краской ленинское воззвание: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...» Днем революционные отряды начали окружать Зимний. Штурм дворца стал последним ударом по оплоту старого мира.

Наступила пора созидания нового...

Помню холодный день зимы восемнадцатого года. Я руководил тогда профсоюзом строителей. В промерзшей комнате особняка Юсупова мы обсуждали вопросы о печках и угле, когда в комнату вошел незнакомый человек. Это был инженер Графтио, присланный Лениным. «Мне поручено подготовить смету Волховстроя...» Новое слово ошеломило нас. А инженер рассказывал о громадной по тем временам гидроэлектростанции, о машинах, о море света — и все это стояло за словом «Волховстрой». Вчера такое казалось бы сказкой, сегодня сказка требовала сметы. Надо ли говорить, с каким энтузиазмом мы взялись за новое дело! Казалось, даже холода отступили.

Не буду останавливаться на неимоверных трудностях, которые пришлось одолеть создателям Волховстроя, это уже хрестоматийно. Но была ведь и Каширская ГРЭС, был Шатурстрой! В декабре двадцатого года на историческом VIII Всероссийском съезде Советов я вместе с другими делегатами впервые услышал ставшие бессмертными слова Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». А в перерыве, когда делегаты окружили Ильича, какой-то крестьянин жаловался вождю: мол, больно уж корявое это слово — «ГОЭЛРО». И Ленин, улыбаясь, обещал, что скоро ни один рабочий, ни один крестьянин не обойдется без этого слова...

...За день до того, как написать эти строки, я вернулся из поездки в Ленинград. Вновь дышал воздухом города революции, побывал в Смольном, на Дворцовой площади, на местах наших октябрьских боев. А потом поехал на Волховскую ГЭС: мне надо было побывать там как члену комиссии по подготовке к пятидесятилетнему юбилею станции. Пятьдесят лет! Закрой глаза — и представишь себе огромный котлован, горы вывороченных камней, телеги с досками, тачки, лопаты. И люди, плохо одетые, изнуренные голодом. Двадцать тысяч строителей... А я вижу перед собой близкое и знакомое до мелочей здание ГЭС, и оно кажется мне прекрасным. Нас встречает молодой, обаятельный человек — это директор станции Л. А. Воронин, он знакомит нас с персоналом станции, рассказывает: здесь работает всего семьдесят человек. Неужели и то и это — Волховка? Я говорю с друзьями-ветеранами, я вижу вокруг молодые лица новых волховчан, и прошедшие пятьдесят лет кажутся мне не просто отрезком времени, но каким-то сплавом труда, забот, вдохновения, горестей и счастья. Да, история наших дел — это и есть наша жизнь.

А в моей жизни были еще Шатурская ГРЭС, Каширская ГРЭС, ЗаГЭС в Грузии, были многие станции ГОЭЛРО. Помню, как после разговора с Владимиром Ильичем Лениным я поехал к своим землякам — собирать по калужским и тульским деревням рабочих на стройку. Еще помню заголовки в газетах той поры: «Деникин рвется к Москве», «Колчак наступает на Волгу», «Юденич подходит к Петрограду». А рука словно бы чувствует тепло рубильника — это вместе с начальником стройки Каширской ГРЭС Г. Д. Цюрупой мне доверено включить первый советский ток...

И тут же — впечатление недавних дней: пульт управления единой энергетической системы, где в лампочках-сигналах на схеме отражается ритм работы мощнейшего электрического сердца страны. Здесь я мог бы стоять, наверное, часами. Вот Днепрогэс. Первая стройка, где мы увидели мощную технику, где смогли показать в громадной плотине, в усмиренном Днепре богатырский размах растущей страны. Теперь Днепрогэс — рядовой в днепровском каскаде станций. А вот еще светящийся глазок — Красноярская ГЭС. Первый раз я побывал там, на берегу Енисея, в девятьсот тридцатом — специально поехал из Красноярска в поселок Скит, на то место, где еще в прошлом веке В. И. Ленин и Г. М. Кржижановский останавливались по пути в сибирскую ссылку. И вот — могучая плотина, город Дивногорск...

«Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Да, именно так мне и видится все, что происходит сегодня в нашей стране. Не перечесть славных дел, начало которых легко можно было бы найти в исторических событиях Октября семнадцатого года.

В дни работы XXV съезда КПСС мы, ветераны партии, направили съезду письмо, в котором заверили делегатов: коммунисты всегда, в любом возрасте остаются в строю. И к нам в полной мере относятся слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева о сегодняшних планах советского народа, слова, сказанные на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 года: «Нет сомнений, что народ наш, руководимый партией Ленина, и на этот раз окажется на высоте ответственности, возложенной на него историей». Задачи новой пятилетки — это и наши задачи, потому что только вместе с партией, вместе с народом мыслят себя большевики-ленинцы.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса.

Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими,— таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности.

И, наконец, важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом».

Каждый день нашей жизни — яркое, убедительное подтверждение этих слов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, сказанных им на XXV съезде КПСС.

Корреспонденты «Огонька» побывали у рабочих знаменитого Ижорского завода имени Жданова, у тружеников казахстанской земли. В очерках о них, в рассказах этих людей о своем мироощущении, понимании своего места в обществе развитого социализма рисуются социальная программа Коммунистической партии Советского Союза, черты характера, образа жизни нашего современника — строителя коммунизма.

Корреспондент «Огонька» Б. Сопельняк задал самым разным людям Ижорского завода вопрос: «Что, по-вашему, является наиболее характерной чертой советского образа жизни!» Вот их ответы.

Фото Н. АНАНЬЕВА

УВЕРЕННОСТЬ В НАШЕМ ЗАВТРА

Л. В. ТУПИЦЫН,
директор производственного объединения «Ижорский завод»

— Я побывал во многих странах, беседовал с директорами различных заводов, порой очень крупных, определяющих, так сказать, экономическое лицо той или иной страны, и я еще раз убедился: даже ныне процветающие предприятия и фирмы так сильно зависят от конъюнктуры рынка, что у них нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Никто не знает наверняка: сворачивать придется производство или расширять?

Мы твердо знаем, что Ижорскому заводу расти и расти! Мы уже приступили к осуществлению плана социального развития завода. Он настолько грандиозен, что за годы десятой пятилетки мы должны будем построить практически еще один такой завод.

Отныне нашим главным направлением будет атомная энергетика. Реакторы, которые родились в стенах нашего завода, работают на многих атомных электростанциях Советского Союза и за рубежом. Специфика Ижорского завода в том, что почти все мы делаем сами, обходимся без многочисленных смежников: в одни ворота входит руда, а из других выходит корпус атомного реактора. Когда мы взялись за выпуск этой очень сложной продукции, конечно же, было немало скептиков: осилим ли? Ведь к качеству реактора предъявляются настолько высокие требования, что мы не имеем права гарантировать, скажем, девяностодевятипроцентную надежность, а на любом другом предприятии это считается величайшим достижением. Стопроцентная гарантия качества — вот что должно стать каждодневной нормой!

И мы такой надежности добились. Руки рабочих... Золотые руки рабочих — вот что прежде всего гарантирует безотказность ижорских реакторов. Одна из главных профессий у нас — сварщик. Так вот, сварщики на заводе имеют квалификацию не ниже 5—6-го разряда. Выше просто нет тарифа, а то бы можно было присваивать и десятый разряд. Но наши конструкторы, инженеры и технологи решили во что бы то ни стало автоматизировать процесс сварки реактора, и они на верном пути: пройдет не так уж мно́го времени, и автоматические установки заменят человека. Но без работы, как вы понимаете, люди не останутся — завод растет не по дням, а по часам.

В своей речи на недавнем Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев с удовлетворением отметил, что «...в проекте пятилетнего плана воплощена широкая социальная программа, провозглашенная XXV съездом партии». Размах, широту этой программы ощущают и ижорцы: в плане социального развития завода предусмотрено не только сооружение новых цехов. Мы обязаны сдать триста шестьдесят тысяч квадратных метров жилья, построить базы отдыха на Черном море и в городе Пушкине, Дворец культуры, плавательный бассейн, пионерлагерь, стадион и многое, многое другое. Уверяю вас, ни один капиталист не пойдет на такие затраты: ведь они составляют значительную часть всей суммы, отпущенной на расширение завода. Мы же понимаем, что это наша основная задача. Ведь главный девиз советских людей: «Все во имя человека, все для блага человека». А отсюда и уверенность в завтрашнем дне.

РУКОВОДИМ ЗАВОДОМ

И. И. ОКУНЕВ,
председатель профсоюзного комитета

— Одна из наиболее действенных форм этого руководства — коллективный договор администрации и профсоюзного комитета, который заключается в январе каждого года. С одной стороны, мы прилагаем максимум усилий, чтобы обеспечить выполнение государственного плана, а с другой — следим, чтобы при этом были созданы все необходимые условия для нормальной жизни и работы трудящихся.

Скажем, в прошлом году заканчивалось строительство одного крупного цеха. Станки новейшие, технология современнейшая, а вот окна и двери щелястые. И с бытовыми помещениями не все ладно: стены грязно-бурого цвета, душевые тесные, шкафчики для одежды неудобные. Администрация готова была подписать акт о приемке — оборудование-то как часы! А профсоюзный комитет отказался. Пришлось строителям ликвидировать все эти недоделки. И хотя цех приняли чуть позже, но зато работает он без авралов. Это ведь не пустяк — удобное место для работы, отдыха...

Или другой случай. Завод, как вы знаете, растет и принимает все новых и новых рабочих. Многие приезжают из деревень, из других городов. Первое, что нужно дать рабочим,— жилье. У нас пять прекрасных общежитий, но они переполнены. Мы говорили приезжим, особенно семейным: «Подождите до октября, вот-вот строители сдадут семейное общежитие. Тогда и вызывайте жен, детей, справляйте новоселья». И люди ждали. Но строители нас подвели. Дом будет готов лишь в конце года. Что делать? Тогда мы заключили с администрацией такой договор: она предоставляет нам часть квартир в очередном жилом доме, который строители сдают в середине ноября, и мы превращаем его в семейное общежитие. А заводским очередни-

Ижорская сталь. ● На окраине города Колпина.

ИЖОРСКИЙ
ЗАВОД

кам придется подождать до конца года, когда будет готов тот дом, что не успели построить в октябре.

При заключении очередного коллективного договора мы настояли на том, чтобы вторая очередь Дворца культуры была сдана не в конце пятилетки, как планировалось, а в 1978 году. Сократить срок строительства на два года — дело непростое, но мы видели, как тесно стало в старом Дворце культуры.

Вот так профсоюз участвует в управлении заводом. Добиваемся хороших условий труда, заботимся о жилье и досуге рабочего человека, принимаем активное участие в организации социалистического соревнования, формируем бригады коммунистического труда, руководим школами изобретателей и рационализаторов, помогаем наставникам воспитывать молодежь, думаем о повышении ее квалификации — значит, мы, выборные представители рабочего класса, тоже руководим заводом. И думается мне, что это одна из характернейших черт советского образа жизни.

УЧИТЬСЯ МОЖЕТ КАЖДЫЙ

Татьяна **ФИЛИППЕНКОВА**,
заводской стипендиат

— По-моему, это одна из прекраснейших сторон нашего бытия. Я это говорю и потому, что совсем недавно читала в газете, как тяжко достаются знания рабочим в капиталистических странах. Читала, переживала за своих сверстников и сравнивала.

Я обыкновенная заводская девчонка. Мать — машинист крана, отец — вальцовщик. Так что после школы у меня не было раздумий, что делать дальше. Конечно же, пошла на завод. Поработала два года и стала заводским стипендиатом: поступила в Технологический институт имени Ленсовета. Сперва училась на вечернем отделении, потом перешла на дневное. Стипендию мне платит не институт, а завод. Причем повышенную.

Сейчас я уже на пятом курсе. Скоро начнется преддипломная практика. Обычно студенты подолгу выбирают тему дипломного проекта, а потом — предприятие, на котором эту тему можно разработать. У меня такой проблемы нет. Моя специальность очень нужна на Ижорском заводе, и потому тема дипломного проекта не абстрактная, а необходимая цеху. Нет у меня и проблемы выбора места работы после института, работать буду на родном заводе и даже знаю, в каком цехе.

У моих подружек дела с учебой еще проще складываются. На территории нашего завода — вечерний факультет Северо-Западного заочного политехнического института, филиал завода-втуза, металлургический техникум, две школы рабочей молодежи и ГПТУ. Выбирай, что тебе по душе. Нас, заводских стипендиатов, около четырехсот. А сколько студентов — вечерников и заочников! Если захочешь учиться дальше и поступить в аспирантуру — пожалуйста, у нас свой научно-консультационный пункт. Я как-то подсчитала: среди заводской молодежи учится каждый второй.

И вот что очень важно: мы знаем, что возможности нашего творческого, духовного роста безграничны. Взять хотя бы директора завода Льва Васильевича Тупицына. Двадцать пять лет назад он начинал простым рабочим, потом стал мастером, начальником цеха, главным инженером и, наконец, директором одного из крупнейших в стране предприятий. А сколько ижорцы дали профессоров, кандидатов и докторов наук, руководителей различных заводов и даже министерств! Главное, не ленись: учись и работай на совесть. А слава, как поется в песне, тебя найдет.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

М. А. РОНИС,
заместитель начальника инструментального отдела завода

— Я латыш. Родился и вырос в крестьянской семье. Так бы, наверное, и занимался делом своих предков, если бы... не сибирская целина. Да-да, в начале пятидесятых годов по призыву комсомола поехал осваивать целинные земли Омской области. Думал, буду пахать, сеять, убирать хлеб, а вместо этого пришлось встать к станку: трактора и комбайны ломались, и кому-то надо было их чинить.

Токарное дело освоил быстро, а вот с языком хуже: по-русски говорил так, что понимали меня далеко не все. К счастью, в это время познакомился со своей будущей супругой: она приехала из Колпина и преподавала в школе русский язык. Наверное, более трудного ученика, чем я, у нее не было... Образовалась интернациональная семья, в которой говорили и по-русски и по-латышски, а когда у нас собирались застолья, то звучали песни многих народов: среди наших друзей были люди разных национальностей. Сыновья оба языка считают родными.

На Ижорский завод я пришел в пятьдесят шестом. Главное, что меня привлекало — хорошие традиции, высокая культура производства и возможность учиться, практически не выходя с территории предприятия. Работая токарем, я закончил техникум, потом пошел в институт. И тут чуть было не споткнулся. Как вы знаете, на вступительных экзаменах надо писать сочинение, естественно, на русском языке. А я, хоть и говорил вполне прилично, писал с ошибками. Короче говоря, двойка была обеспечена. Приуныл я, конечно... Потом пошел к декану, рассказал о своей беде и показал свидетельство об окончании латышской школы. Подумал декан, подумал и... разрешил писать диктант. А это проще. Словом, поступил я в институт и благополучно его закончил.

Параллельно с учебой шло и продвижение по службе. Начинал простым токарем, потом стал мастером, старшим мастером, заместителем начальника цеха, а теперь — заместитель начальника инструментального отдела завода.

Как видите, заводу я обязан всем. Здесь же десять лет назад вступил в партию. Примечательно, что рекомендации мне давали русский, латыш и украинец.

Двадцать лет я на Ижорском заводе. Его коллектив стал моей семьей, большой интернациональной семьей.

ЗАБОТА О СВОБОДНОМ ВРЕМЕНИ

Ю. А. БОГДАНОВ,
заместитель директора Дворца культуры

— По роду своей работы хочу обратить внимание именно на эту грань советского образа жизни: большие у ижорцев возможности приятно, весело, с пользой для своего физического и духовного роста провести свободное время. Только многочисленные кружки Дворца культуры посещает свыше полутора тысяч человек. Наш духовой оркестр и оркестр народных инструментов знают и в Ленинграде. Любительская киностудия, литературное объединение, хореографический ансамбль, всевозможные лектории — все эти коллективы пользуются большой популярностью среди рабочих.

А наша библиотека! На ее полках сто тридцать тысяч томов по разным отраслям знаний. Постоянных абонентов — свыше тринадцати тысяч. Добавьте к этому шестьдесят библиотек-передвижек, которые ездят по цехам и общежитиям.

Частые гости на заводе — ленинградские поэты и писатели. А дружба с драматическим театром имени Горького... Среди наших рабочих, инженеров, техников много театралов. И уж премьеру в Большом драматическом не пропустят. А многие ведущие артисты — члены заводских бригад. Они тоже часто бывают в цехах.

Много у нас любителей музыки. Около пятисот человек ежегодно пользуются абонементами Ленинградской филармонии.

Очень популярен среди ижорцев спорт. У нас шестьдесят физкультурных коллективов. Ежегодно проводятся зимняя и летняя спартакиады по двадцати одному виду спорта. Участвуют в них и стар и млад. Шестеро воспитанников спортклуба входят в состав сборных команд Советского Союза.

Вот как проводят свободное время ижорцы.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО МЫ!

В. В. СКОРОХОД,
депутат Колпинского райсовета

— Как-то в обеденный перерыв в нашем сборочно-сварочном цехе — он один из крупнейших на заводе — зашел разговор о демократии. Слушала я этот разговор и стала прикидывать, сколько рабочих нашего цеха участвуют в управлении государством. Оказывается, каждый третий! В цехе шесть депутатов райсовета. Все это потомственные ижорцы, люди, хорошо известные в Колпине. У меня, например, здесь работали дед, отец, мать, брат. Здесь я двенадцатилетней девчонкой пережила блокаду, бомбежки, артналеты. Мы, девчата, как умели, помогали отцам, солдатам героического Ижорского батальона.

На завод я пришла сразу после войны и сразу в этот цех.

Депутатом меня избирают уже в пятый раз. Надо ли говорить, как я этим горжусь? Конечно же, стараюсь оправдать доверие товарищей.

Итак, депутатов райсовета у нас шестеро. Народных заседателей — четверо. Большую работу ведет постоянно действующее производственное совещание — ПДПС. Ни одно серьезное решение, касающееся производственной жизни цеха, не может быть принято без согласия двадцати трех членов ПДПС. Со-

У проходной после смены.

Тренировка.

Надежда Григорьева и Надежда Петрова — студентки металлургического техникума и бойцы стройотряда — вернулись из Мурманской области.

Татьяна Филиппенкова — заводской стипендиат.

Заводской пионерлагерь называется «Искорка».

вет мастеров — это тоже очень авторитетная организация, которая решает текущие проблемы. Товарищеский суд — совесть цеха. Семь наиболее уважаемых рабочих, мнение которых непререкаемо, разбирают порой весьма серьезные конфликтные ситуации. Есть у нас совет наставников — лучшие из лучших, к которым тянется молодежь. И группа народного контроля.

Это только в одном цехе. А если в масштабе завода, Ленинграда, всей страны...

РАБОЧАЯ ГОРДОСТЬ

В. С. ЦЫБУЛИН, шлифовщик механосборочного цеха

— Что и говорить, продукция Ижорского завода известна во всем мире. Но мне кажется, славу завода составляют прежде всего его люди. Много знаменитостей вышло из наших цехов. А вот я горжусь тем, что работаю бок о бок с Сергеем Павловичем Канцыревым и близко знаю его. Впрочем, в цехе его зовут просто — дядя Сережа.

Пришел он на Ижорский завод сорок два года назад. Стал хорошим токарем, потом служил в армии, воевал на Халхин-Голе. Оружейным мастером был. В разгар боев, прямо под обстрелом и бомбежками, рядовой Канцырев чинил винтовки и пулеметы, пушки и минометы. Этот опыт очень пригодился, когда в сорок первом фашисты подошли к стенам завода. Мастер сразу же вступил в прославленный Ижорский батальон. Он рвался на передовую, хотел бить фашистов с винтовкой в руках. Но ему сказали: рабочих такой квалификации, как у тебя, мало, оружия тоже мало; значит, надо сделать так, чтобы вернулась в бой каждая покореженная винтовка, каждый разбитый пулемет. Дядя Сережа организовал оружейную мастерскую и в почти разрушенной печи обжига, в полукилометре от передовой, давал вторую, а то и третью жизнь боевому оружию.

Но в дяде Сереже жил и живет талантливый конструктор. Например, он придумал, как поставить на колеса танковые пушки, которые вытаскивали из разбитых дотов. И что вы думаете, за ночь приладили какие ни на есть колеса, выкатили на дистанцию прямой наводки и давай лупить по фашистским пулеметным гнездам!

Всю войну Канцырев прошел с Ижорским батальоном. А потом вернулся на завод и стал инструментальщиком. Работа эта особая, требующая острого глаза, чутких пальцев и, я бы сказал, беспокойного ума. Всего этого в дяде Сереже — на пятерых. Когда я пришел в цех с Кировского завода, то первое время тыкался, как щенок. Спасибо дяде Сереже: подошел ко мне, помог, поставил на нужный путь. Он вообще любит возиться с молодежью. Таких наставников поискать: он не только мастерству учит, но и, что очень важно, учит, какую позицию в жизни рабочий человек занять должен, воспитывает чувство рабочей гордости.

ЩЕРБАКОВЫ ИЖОРСКИЕ

Семейство далеко не в полном составе: Владимиру Алексеевичу Щербакову (сидит третий справа) не удалось собрать всех.

Олег ШМЕЛЕВ

— Мишка-а! — разнесся по улице истошный женский крик.

Издалека, с пустыря, где ребята, у которых водились монеты, с утра до темноты играли в расшибаловку, откликнулся недовольный мальчишечий голос:

— Чего-о?

— Иди лопать, басурман! Щи простыли!

И так каждый день, а то и раза три на день.

Володя Щербаков дивился: как это можно, чтоб тебя еще специально есть приглашали? Ладно был бы Мишка работником, а то ведь у него мозоли на пальцах от медного пятака, которым кон расшибают, весь день в это расшиши режется, сопли вытереть некогда.

Нет, никак не мог понять Володя Щербаков ни Мишку, ни его мамашу с папашей. Другое у него было житье, которого Мишка, наверно, тоже не понимал.

Если бы даже у Володи завелись вдруг монеты в кармане, он бы на пустырь в Мишкину компанию все равно не пошел. И вовсе не потому, что жалко проиграть гривенник, и не потому, что побоялся бы батю или мать. Они бы и знать не знали, потому что мать работает нагревальщицей печей в термическом цехе, а батя из своего литейного зала не уходит по неделям и ночует там. Он хоть по должности называется начальником смены — значит, должен же когда-нибудь сменяться,— но это только так считается, а на самом деле ничего подобного. Придет он после недельного отсутствия, кое-как смоет с лица и рук верхний слой лоснящегося чугунно-черного покрытия — нижний въелся в кожу прочно, даже белого полотенца не марает,— поставит мать перед ним сковородку картошки, жаренной на подсолнечном масле, и скажет: «Палыч, ты бы хоть разок забежал горячего поесть. Немолодой ведь, шестьдесят пятый идет». А отец ковырнет без интереса картош-

ку вилкой — аппетита нет — и ответит: «Печи не остановишь. Нам стали много надо, ой, много». Полсковородки осилит, кружку кипятку выпьет (Володя ужасался: отец глотает кипяток, как простую воду, и не обжигается) — и на кровать. Даже сапог не успеет снять — уже храпит. Володя с матерью разденут его, и опять Володя удивляется: ворочай отца, как хочешь,— ничего не слышит, будто помер.

В общем, не из-за отца с матерью не ходил на пустырь Володя. Тут совсем другое.

Вот ему десять лет. Он 1925 года рождения. И в семье десятый. Братья Николай, Иван, Александр и Георгий намного его старше: Николай — на двадцать пять лет, Георгий — на тринадцать. Сестры Надежда, Клавдия и Вера тоже родились, по его понятиям, еще при царе Горохе. А Любу и Соню он старше себя не считает: подумаешь, всего разницы — три года и год.

И вот какая штука. Сколько помнит себя Володя, он маму считал вроде как бабушкой. Она уж немолодая и все время на работе или крутится по хозяйству. А матерями были для него, Любы и Сони три старшие сестры. Они, конечно, тоже все работали на Ижорском, но в разные смены, и получалось так, что в трех комнатах семьи Щербаковых с плотностью населения один человек на два квадратных метра всегда, в любой момент суток, имелась дежурная мама.

Когда явились на свет новые Щербаковы — младший братишка Сергей и племянники Володи, он сам сделался нянькой и опекуном для младших. Некогда ему бегать на пустырь.

Было бы непростительной натяжкой утверждать, будто, помогая сестрам при стирке белья или сажая братишку на горшок, малолетний гражданин Володя Щербаков сознательно исполнял некий долг. Он поступал с младшими так, как старшие поступали с ним. Никакой мудреной педагогики — только простой и ясный дух большой рабочей семьи, который уж не выветрится из человека до конца жизни, что бы ни случилось, ни в горькой беде, ни в тяжкой дороге.

Но это лишь чисто бытовая, если можно так выразиться, отделка характера. Для того, чтобы сложилась личность, необходимо кое-что гораздо более высокого порядка, чем семейный уклад.

Среди множества способов сталеварения есть электрический. Так вот, если сравнить его с процессом выплавки личности, то можно сказать: поле, в котором жил Владимир Щербаков, обладало сверхвысокой напряженностью.

Начать, конечно, надо с отца, и начало будет не новым. Отец отца, дед Владимира, был до объявления «воли» крепостным богатого тверского помещика. В 1882 году его сын, двенадцатилетний Алешка, бросил свой пастуший кнут и пошел искать жизни получше. На Ижорском заводе, куда он в конце концов — уже в 1890 году — попал, ни легче, ни лучше ему не стало, скорее наоборот. Зато горячее — в прямом и переносном смысле слова. Алексей Щербаков быстро осознал себя рядовым рабочего класса.

На заводе действовала нелегальная революционная ячейка. Алексей ходил на занятия кружка, все, что там говорили, впитывал, как губка, хотя был неграмотен. А вскоре и сам начал вести пропаганду среди рабочих — может, слишком прямолинейно, однако доходчиво. Долой царя и капиталистов — и чего тут еще рассусоливать?

Нашелся доносчик, Щербакова уволили и занесли в черные списки — ни на один завод не поступишь. Как он с женой и семью детьми мыкался до семнадцатого года, трудно сказать. Куда уж дальше, если в 1912 году жена, едва родив последнего из семи, Георгия, пошла на Ижорский, да не кем-нибудь, а нагревальщицей печей в термичку — работа для здоровенных мужиков, но никак не для кормящей матери.

Беспощадно бил контру красногвардеец Алексей Щербаков. Двух своих старших сынов — Николая и Ивана — послал воевать за революцию. Служили они у Буденного, в Первой Конной.

А когда наступил мир после гражданской войны, Щербаковы все возвратились на свой завод.

Шли годы, подрастали младшие сыновья и дочери, и такой порядок установил отец: учись в школе, сколько считаешь нужным, а оставил школу — давай-ка на Ижорский. Александр начал работу жестянщиком в шестнадцать лет, Вера пришла в трубный цех тоже шестнадцати, Георгий стал крановым машинистом в девятнадцать, Софья — фрезеровщицей тоже в девятнадцать, а Сергей и вовсе четырнадцатилетним мальчишкой выучился на газорезчика.

Не мыслили Щербаковы своей жизни без Ижорского завода. Как тысячи им подобных ижорцев, они не считали, что творят новую историю. Они работали без шума, без лишних слов, не ожидая наград и поощрений. Однако сильно ошибется тот, кто подумает, что им незнакома была рабочая гордость. В монастырской толщины стенах старого, поставленного еще при Петре Ижорского завода варилась сталь самых высших марок и редкой прочности.

Набирал силу завод — крепла, ветвилась семья Щербаковых. Николай редактировал заводскую многотиражку и был уже отцом трех сыновей. Иван, работавший печником, перешел на профсоюзную работу. Александр, бывший жестянщик, стал инженером-диспетчером, а потом его, как и Ивана, выдвинули в профсоюзные руководители. Вера пошла по партийной линии, работала в аппарате Ленинградского обкома.

Отец ворчал по поводу всех этих выдвижений: «От металла уходите. Белоручками станете». Он был неправ — белоручками они не сделались.

Сам Алексей Павлович и супруга его, Елена Александровна, никуда не уходили и не переводились. И в пенсионерах старому металлургу побывать пришлось недолго: последний раз сдал он смену — навсегда — в 1937 году, а в 1939-м скончался.

Пришла война. Гитлеровцы, рвавшиеся к Ленинграду, осадили Колпино. Они, разумеется, отчетливо представляли себе значение завода и стремились либо овладеть им, либо уничтожить. Не получилось ни того, ни другого.

Рабочие разделились на две части. Одни, здоровые и помоложе, влились в Ижорский батальон и вступили в бой. Другие под бомбежками и артобстрелом продолжали обычное дело.

Отправились воевать старшие братья Владимира Щербакова. Николая зачислили в военно-воздушные силы, был он политработником. Иван формировал аварийный поезд для ремонта железных дорог и мостов. Александр, как и Николай, попал в ВВС, Георгий вступил добровольцем в Ижорский батальон, оборонявший город.

Из мужского состава Щербаковых старшим в семье остался Владимир. Его, куда он ни тыкался, на войну не взяли.

Слесарил слесаренок, старался. Привыкал к звенящему шороху снарядов в воздухе, к их разрывам на заводской земле, то визгливым, то басистым. И не хныкал, не стонал, потому что еще раньше приучился себя одергивать, если что не так: «Не стони». Никогда он не думал и не предполагал, что может вдруг заплакать.

...11 июля 1942 года ничем не отличалось от длинной череды дней, следовавших один за одним не очень-то спокойно и весело с тех пор, как немцы дотянулись своей железной лапой до Колпина. Мать, как всегда, ушла на смену в свой термический цех.

Володя не уловил в начавшемся артобстреле какой-то особенной ожесточенности. Вроде все шло обычным порядком, с немецкой методичностью. Но...

Он не мог поверить, когда услыхал: «Александровну убило». Вернее, не мог понять сначала, что это говорят о его матери. Как же так? За что?

Только крови не было раньше в том скрепляющем составе, что спаял судьбу семьи Щербаковых с Ижорским заводом. Теперь была и кровь...

Вот какое силовое поле дало заряд душе и характеру Владимира Щербакова, сына тверского бедняка Алексея и потомственной колпинской жительницы Елены, убитой гитлеровцами в цехе, на рабочем месте.

В декабре 1942 года Владимир был призван в действующую армию. Всего, через что пришлось ему пройти, кратко не расскажешь, но хотя бы об одном моменте упомянуть надо — в нем весь щербаковский характер.

Воинская часть, куда попал новобранец, рядовой необученный Щербаков, стояла под Синявином. Однажды в роту пришел лихого вида веселый офицер. Он выбирал желающих идти в разведчики. Ну, конечно, в разведку хотели все, так что у офицера выбор был богатый. Щербаков тоже шагнул вперед, но офицер, скептически окинув его взглядом с ног до головы, велел стать в строй: подрасти, сказал, мне нужны ребята покрепче. Владимир не обиделся: знал, что в разведке особый народ нужен, чтобы в случае чего одними голыми руками, без выстрела, прихлопнуть противника.

Дня через два явился новый вербовщик — он набирал охотников сделаться саперами-минерами. На сей раз не очень-то много солдат вышло из строя, но Владимир был в их числе. Его дружок, сосед по нарам, шептал ему, сделав страшные глаза: «Ты что, спятил? Не на чужой, так на своей подорвешься». Однако это не подействовало. Соображал Владимир, какую специальность себе выбрал, и поговорочку известную слыхал насчет того, что сапер ошибается только раз в жизни. Но у него были свои соображения: он знал, что проходы для разведчиков в минных полях расчищают саперы — стало быть, не так, так эдак, а все же причастится к разведке.

Обучение было недолгим, но основательным, и к тому же, если человек помнит вдохновляющую поговорочку, он все типы мин и способы их обезвреживания очень быстро изучит.

Те ленинградские солдаты, кому выпало сомнительное счастье хоть неделю посидеть на передовой в Синявинских болотах, не забудут их до конца дней. С весны до осени это гладкие, как стол, зеленые поля. Если нужно отрыть окопчик, воткнет солдат в землю лопатку на штык — густая коричневая вода. В ходах сообщения и траншеях эта жижа по пояс. Надоест в мокроте хлюпать, выберется солдат на сухое место — тут же пуля над ухом: снайпер не спит, лезь обратно в жижу.

Зимой то же ровное, как стол, поле, только зеленую скатерть заменили белой. Но даже в двадцатиградусный мороз под снегом — вода.

В общем, кто не пробовал, не поймет, да и хорошо, что не все пробовали, невеселое это дело.

В секторе, куда попал сапер-минер Щербаков, оказалось и того хуже: нейтралка была всего метров двадцать пять, так что если уж зазевался, тебя бьют в упор, наверняка.

А порядок какой?

Под вечер вызывает командир, скажем, троих минеров, объясняет: ночью к немцам пойдет поисковая группа. Иногда и ничего не объясняет, просто ставит задачу: в 22.00 проделать проход в минных полях, пропустить наших туда, а в 5.00, когда они вернутся оттуда, проход заделать. Сапер идет первым, возвращается последним.

Ну, схема своего заграждения известна, искать мины, как грибы, не надобно. Заграждения перед окопами противника — дело, понятно, совсем другое.

Можно сказать, Щербакову сильно везло. Не раз и не два вот так вызывал командир троих минеров, назначал его старшим и ставил задачу обеспечить проход большим и малым группам наших бойцов. А работать, между прочим, приходилось в десяти не фигуральных, а натуральных метрах от немецких траншей. Только во время первой операции потерял он своих товарищей: одному оторвало ногу, другому руку.

Владимир все ждал того дня — вернее, ночи,— когда ему все же достанется поработать с разведчиками. И такая ночь наступила, темная сентябрьская ночь 1943 года.

Командованию потребовалось уточнить вражескую систему огня, расположение огневых точек. В таких случаях самый прямой и быстрый путь — разведка боем. Участвовать в ней может больше или меньше людей, но их задача — поднять такой переполох, чтобы противник принял разведку за неподдельное на-

ступление и пустил в ход все свои огневые средства. Наблюдатели засекут их, и задача решена.

На бумаге все это просто получается, а на деле для разведки боем нужен самый отчаянный народ. И минер тут не последний человек.

Щербаков хорошо сделал все, что ему было положено и еще сверх положенного: ввязался в бой. Так случилось, рассуждать было некогда.

Разведка кончилась благополучно, без больших потерь, но Щербаков получил тяжелое проникающее ранение — осколком гранаты в череп. Потом три месяца на госпитальных койках и на полках санитарных поездов. За тот бой его наградили орденом Славы III степени.

После подобных ранений, как тогда выражались, солдат списывали из армии по чистой. Щербакову еще в госпитале объявили, что он инвалид и что его демобилизуют. Но он не пожелал списываться. Он поправился и прослужил в армии до 1950 года, а пока шла война, еще побывал на фронте и был еще дважды ранен.

Не хотелось бы громких слов, но то надежное и нержавеющее, что выковалось в довоенные годы в характере паренька из рабочей семьи, война сделала еще прочнее. Когда-то он рос и неосознанно испытывал на себе всеобъемлющее влияние вечных тружеников — отца и матери, своих старших сестер и братьев, коммунистов. Такой заряд не исчезает и не пропадает зря.

Просто и ясно сложилась послевоенная жизнь Владимира Щербакова.

Он приехал в Колпино, обосновался у бабушки по матери, сразу поступил на Ижорский завод, в шихтовый цех, бригадиром огнерезного участка: резали, мельчили шихту.

Работал и учился в школе мастеров, после школы перевели в мартеновский цех, но и тогда не одной работой была занята голова: поступил в металлургический техникум. В 1953 году — два важных события: Щербаков был принят в партию и женился — на колпинской уроженке, в четырнадцать лет пришедшей на завод, и родители ее тоже на Ижорском.

Пришлось побывать Владимиру Щербакову и на комсомольской работе — инструктором райкома, но его тянуло на завод, и он вернулся. Конструктор, старший конструктор, начальник КБ отдела главного механика, заместитель главного механика — вот должности, в которых служил Владимир Алексеевич, но последняя, сегодняшняя, самая беспокойная, оставляющая человеку очень мало времени подумать о себе,— он начальник ремонтно-механического цеха. Если бы Щербаков еще в 1967 году не окончил Северо-Западный заочный политехнический институт, сейчас ему получить высшее образование было бы едва ли возможно.

Иной раз шевельнется, так сказать, родительская совесть: не мало ли внимания дочерям уделял? Но, кажется, у них с матерью нет причин для беспокойства, обе дочери на правильном пути. Старшая, Марина, замуж вышла за рабочего парня, этим летом родила им внука и учится в институте, получает стипендию от завода. Младшая, Инна,— студентка того самого техникума, который когда-то закончил сам Владимир Алексеевич. А как она мыслит, им с матерью известно. Когда отмечалось 50-летие пионерской организации (Владимир Алексеевич вспомнил по тому знаменательному поводу, что его брат Александр был одним из создателей первых пионерских организаций), Инна в интервью газете «Ижорец» сказала: «Хочу быть в первых рядах молодежи в борьбе за мир на земле, участвовать в строительстве коммунизма, быть активным участником во всех делах комсомола». Не по подсказке говорила, а то, что на уме и в душе. Газету Владимир Алексеевич хранит.

Нет, нечего им беспокоиться за детей, если даже и не всегда уделяли им много специального родительского внимания. Не одни мать с отцом воспитывают — школа есть, завод, комсомол. А коли брать весь род Щербаковых, то внуки и правнуки их всегда будут жить под воздействием самой животворной силы — примера прадедов, дедов и отцов.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

СОЧ... О ЛЮБИМО...

Б. ЛАБУТИН

Автобус развернулся и уехал, оставив меня на залитом солнцем перекрестке.

— Где здесь улица Панфилова? — спросил я у вездесущих мальчишек.

Сейчас не повторить этот снимок. Погиб в том бою Иван Гончаренко, умер, уже после войны, заряжающий Николай Ковригин. Ветераны уходят. Уходят люди того поколения, которые не только приняли бой ради нас, но и, вернувшись с войны, продолжали свой подвиг, поднимая страну. После каждой встречи с ними чувствуешь себя богаче, нравственно сильнее.

Почетные граждане Праги А. Н. Филиппов, П. Г. Батырев, И. Г. Шкловский (слева направо) в мае прошлого года были гостями столицы Чехословакии.

— А вам кто нужен? Не Шкловский?

— Вы знаете Илью Григорьевича? — удивился я. Ребята даже обиделись.

— У нас его все знают. Он первый танкист, освобождавший Прагу!

— Он приходил к нам в школу, показывал чехословацкую медаль.

— Мы писали про него сочинение «Мой любимый герой»!

Вы обрадовали меня, ребята из казахстанского поселка Берлик. Как и вы, я родился после войны. О ней часто рассказывал отец. Он сажал меня на колени и начинал: «Слушай, как это было...» Я вспомнил об этом, когда, окруженный толпой мальчишек, шел к дому Ильи Григорьевича Шкловского. Подвиг солдат, известных и безымянных, живет, он принадлежит всем нам. Потому мы и возвращаемся к ним, героям давно умолкших сражений.

Со мной фотография: танковый экипаж под командованием гвардии лейтенанта И. Г. Гончаренко, 9 мая 1945 года первым принявший бой на улицах Праги. Армейский фотограф снял их в апреле.

...Илья Григорьевич встретил меня у калитки с годовалой внучкой на руках. Годы пощадили ветерана: загар скрадывает морщины, но шрамы на лице напоминают о последнем бое.

Татьяна Викторовна, жена, приглашает в дом.

— Проходите, у нас просторно, четыре комнаты — строили для детей, а сейчас все выучились, разъехались кто куда.

На столе появился большущий арбуз. Не успели его разрезать, как открылась дверь и вошел Николай, младший сын. Этим летом он закончил училище, неделю назад уехал во Фрунзе, куда получил назначение, и вот прибыл на свой первый выходной.

Умывшись с дороги, Николай присел к столу, мы разговорились.

— Скажи, отец часто рассказывал, как он воевал, как был ранен? — спросил я у Николая.

— До 1965 года ни у нас дома, ни в поселке никто не знал, что его танк стал памятником в Праге. Однажды директор школы вызвал мою сестру: «Твой отец Илья Григорьевич Шкловский ос-

ИНЕНИЕ
М ГЕРОЕ

вобождал Прагу?» «Да». «Что же ты молчишь, он же герой!»...

Кончилась война. Двадцать лет члены экипажа ничего не знали друг о друге. Как они встретились вновь, мне рассказал в Москве другой член экипажа, бывший пулеметчик Александр Николаевич Филиппов. Он прочитал в календаре: «Весь экипаж танка № 23 погиб смертью храбрых». Нет! Ведь в Праге погиб только их командир, лейтенант Гончаренко. Филиппов написал в военный архив. Через некоторое время — звонок из Политуправления Министерства обороны: «Приезжайте!» Оказалось, благодарные жители Чехословакии, узнав, что танкисты живы, стали их разыскивать. Откликнулись Батырев (он живет сейчас в Костромской области), Ковригин. Только Шкловский не подавал вестей. Тогда послали запрос в школы Чуйского района — не учатся ли здесь дети ветерана? Конец истории вы уже знаете.

Вот выписка из приказа № 053 по 63-й гвардейской танковой бригаде от 8 апреля 1945 года: «...Танк Т-34 № 412582: командир танка гв. лейтенант Гончаренко Иван Григорьевич, механик-водитель гв. ст. сержант Шкловский Илья Григорьевич. Командир орудия гв. сержант Батырев Павел Григорьевич, заряжающий гв. сержант Ковригин Николай Семенович, пулеметчик мл. мех.-водитель гв. сержант Филиппов Александр Николаевич».

— Воевали вместе один месяц, а сдружились — братья так не жили. — У Ильи Григорьевича светлеет лицо. — Как Александр поживает, что-то давно от него писем не было?

Он расспрашивает о боевом товарище, о Москве, а о себе рассказывает неохотно.

Я смотрю на руки Ильи Григорьевича: в ладони въелась металлическая пыль. Несмотря на пенсионный возраст, он продолжает работать слесарем-инструментальщиком Чуйской дистанции пути, с которой связана вся его послевоенная жизнь. «Железный Илья» — так прозвали его когда-то за то, что он любил «возиться с железками». Кто учил его жизни? Отец. Когда появились первые колхозы, отец пришел с сельской сходки и сказал: «Будем вступать. Всегда кто-то должен быть первым». 1939 год. Отец сел рядом с сыном, положил руку ему на плечо: «Я мечтал, что ты закончишь школу. Но, видишь, тяжело нам с матерью: вас четверо... С земли начинается человек. Учись ее любить». И в четырнадцать лет Илья сел на трактор.

Весть о войне застала его в поле. Первым на фронт ушел старший брат. Илья читал его письма и не давал прохода военкому: «Когда возьмете меня?»

В 43-м он попал в танковую школу, а на следующий год уже воевал в 63-й гвардейской Челябинской добровольческой танковой бригаде. Вскоре старший сержант Шкловский получил орден Красной Звезды.

— А как ваш танк оказался первым в Праге?

Вместо ответа Илья Григорьевич ставит на проигрыватель пластинку. Я слышу разрывы гранат, звон стекла и прерывающийся от волнения голос: «Говорит Прага! Мы обращаемся с пламенным призывом к доблестной Красной Армии! Красная Армия, слушайте нас! Нам нужна ваша помощь!.. Прага не сдается!»

— Это запись радиопередачи из восставшей Праги, которую мы услышали в мае под Берлином,— пояснил Илья Григорьевич. — Там к нашему танку подошел высокий, худой человек лет тридцати, в полосатой одежде заключенного. Коверкая русские слова, сказал: «Я чех. Вы освободили меня из концлагеря. Покажу дорогу до Праги».

У самого города, — продолжает Илья Григорьевич, — машина впереди нас вдруг остановилась: мотор забарахлил. Командир взвода высунулся из башни, махнул рукой — обгоняйте! И наш танк выскочил на маленькую площадь. Здесь его встретили фашистские самоходки. От глухого удара «тридцатьчетверка» содрогнулась — прямое попадание в башню. Но экипаж не растерялся; от нашего выстрела загорелась одна из самоходок. Вдруг второй снаряд — в лобовую броню. Осколком мне повредило челюсть и правый глаз. Меня сменил Филиппов, и снова удар! Он потерял сознание. Его место занял Батырев. Четвертым снарядом заклинило башню, машина стала неуправляемой. Кое-как выбрались под шквальный огонь. Стал отползать, тут подбежала женщина, как сейчас ее вижу — круглолицая, светловолосая. Оттащила меня в подъезд. Если бы не она — не сидел бы сейчас перед вами. Представляете — через 20 лет я встретил ее! Женщина узнала меня, когда в 1965 году, в годовщину Победы, мы приехали на ту самую площадь в Праге. Это Франтишка Кумштова, она и сейчас живет в том же доме. И тот самый чех Франтишек Соучек пришел к нам в гостиницу! Специально приехал из Пардубице. Нас ведь в том бою ранило одним снарядом!

Я видел, как дрожали от волнения руки старого солдата, когда он с любовью вновь и вновь вглядывался в знакомые и незнакомые лица пражан на фотографиях. Миллионы советских солдат — таких, как Шкловский, принесли свободу странам, с которыми нас связывают сегодня узы нерушимого братства. По законам дружбы, выкованной в совместной борьбе, живут поколения, родившиеся уже после войны.

Несколько лет назад я работал вместе с пражскими студентами на стройке в местечке Чиста-у-Горек, на севере Чехословакии. Вечером, когда мы возвращались с работы, нас позвал к себе в дом пожилой крестьянин: «Хочу, чтоб русские были моими гостями!» Каждый день на стройку приходила женщина и угощала нас домашним лимонадом. Она рассказывала о сыне, который партизанил в горах вместе с советскими воинами. Я вспомнил об этих встречах в разговоре с Ильей Григорьевичем.

— Конечно, так и должно оно быть, ведь мы — одна большая семья, — сказал ветеран.

...Я уезжал из Берлика вечером, когда узкие тени тополей исчертили мостовую перед зданием с вывеской «Библиотека имени Шкловского». Мальчишки, переждав дневную жару, снова высыпали на улицу. Интересно, что они напишут в сочинении о своем любимом герое? Ну, а я увозил с собой строчки, написанные их сверстниками из Чехословакии и адресованные всему экипажу танка № 23:

«...Наше поколение родилось уже в освобожденной Чехословакии, мы знаем об исторических событиях только по рассказам родителей и учителей. Наши родители не умели поблагодарить Вас на Вашем родном языке, они только плакали и Вас обнимали. Но мы уже можем по-русски написать Вам сердечное спасибо. И мы это делаем от всей души!

Ученики 7-го класса «Д», г. Прага-4».

Франтишек Соучек. Имя танкиста, сидящего с ним, неизвестно.

Такими они были в апреле 1945 года. Слева направо: Александр Филиппов, Илья Шкловский (сидят на танке), Павел Батырев, Иван Гончаренко, Николай Ковригин.

ТВЕРСКОЙ

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА

Крупный хрустящий рыжий песок прилипал к тяжелым тупоносым ботинкам Ильи Николаевича, к белым узорчатым туфлям Раисы Сергеевны, к цветным башмачкам десятилетнего Миши и восьмилетней Клавы. Дождь прошел, заметно парило, воздух был пропитан тонкими запахами мокрой травы и цветущей сирени.

От шумной площади Пушкина Байбаковы неторопливо шли к центру Тверского бульвара. Уличный шум гас в глянцевой листве разросшихся тополей, лип и недавно пересаженных сюда длинноствольных лесных березок. Становилось тише, но с каждым шагом у Ильи Николаевича ощутимо учащалось сердцебиение, на висках и на шее проступали капельки пота и словно бы труднее становилось дышать. Боже ты мой, до чего же все вокруг узнаваемо!

Справа от центральной аллеи показался серый гранитный куб, поставленный на ребро, с неброской надписью на лицевой стороне, гласившей, что поставлен он в память о революционной борьбе московских рабочих в сентябре 1905-го и в октябре 1917 года. Пять прерывистых кремневых дорожек уходили под камень, а у самого его подножия лежали живые цветы.

А слева деревья становились крупнее, развесистее; цветочный бордюр, отделявший зеленый газон от песчаной дорожки, казался и гуще и ярче. Ну а дальше — за чугунной оградой, на незатейливой вязи которой, словно бисерная россыпь, искрились под солнцем еще не просохшие дождевые капли, неколебимо стоял трехэтажный дом, дом его, инженера Байбакова, детства и отрочества, с разновысокими окнами и треугольным фронтоном, украшенным затейливой лепниной, с низкой входной дверью, когда-то служившей главным подъездом. Справа от ворот, ведущих во двор родного дома, выпирала на тротуар не к месту поставленная, почти кубическая пристройка с узкими окнами, служившая когда-то резиденцией Нижегородско-самарскому земельному банку.

Против них, за оградой бульвара, стоял дуб, едва ли не самый древний дуб в центре столицы, всегда казавшийся несгибаемым стражем дома. О нем любил рассказывать дед Михаил. Его почему-то недолюбливала и побаивалась бабушка Лиза. В первые же месяцы войны через пролом в ограде к нему направились и словно бы растворились в его тени сначала отец, высокий и сильный, красивей которого не было человека на свете, а потом и мать, которая теперь, через тридцать пять лет, возникала время от времени в смутных воспоминаниях Ильи Николаевича как нечто теплое, нежное, бесконечно ласковое...

Давно, очень давно Илья Николаевич слыхал от деда, что дубу этому не меньше двухсот лет. Его морщинистый ствол — в полтора обхвата — выделялся среди молодых деревьев и был приметен издалека. От ствола круто вверх и в стороны отходило до десятка крутых ветвей. Когда-то их было больше — теперь приметны лишь оставшиеся от них, поросшие мхом глазастые культи. Да и самый ствол высоко вверху был срезан в войну, теперь от него остался лишь плоский обрубок, скрытый в густой листве многочисленных отростков.

Что ж, он действительно очень стар, этот дуб. Весной на его ветвях листва появляется много позже, чем на соседних деревьях. Летом его крона, распластавшись высоко над землей, превращается в пышный зеленый шатер и защищает все вокруг от солнца, дождя и ветра. И листву осенью он теряет последним среди своих молодых родичей, когда первые морозы уже сковывают землю, белые хлопья снега отяжеляют ветви и они склоняются чуть ли не до самой земли.

Теперь этому трудно поверить, но дуб стоял здесь еще в те времена, когда о бульваре и речи не было, а рядом возвышались вал и стена Белого города. Видимо, он был уже тогда рослым зеленым красавцем, и его пожалели, когда в конце XVIII века сносили стену и от Никитских к Тверским воротам прокладывали первый в столице «булевар», неторопливо высаживая тонкие деревца на месте стены, вала и рва Белого города. Высаженные здесь липы и березы еще только набирали силу, давали мало тени, а он уже возвышался среди них, стройный и широкоплечий. По бульварному «прошпекту», хорошо утрамбованному и покрытому речным песком, были расставлены деревянные «софы», неподалеку от дуба оборудована легкая галерея, где дамы и кавалеры, ревностные поклонники быстротекущей моды, блистали туалетами, ели мороженое, пили лимонад или чай с конфетами. Мимо уцелевшего великана мчались экипажи, пролетки и дрожки московской знати; с гиканьем и свистом, взрывая тишину, проносились ночные извозчики; чуть позже появилась конка... В его тени, на деревянной «софе», направляясь в гости к Волконским, сиживал Александр Пушкин. Одиноко, не отрывая глаз от песчаной дорожки, в старой, выцветшей накидке проходил мимо Николай Гоголь.

Здесь, возле обожженных пожаром 1812 года хилых дубков и берез, сопровождаемый то бледной, молчаливой, бесконечно любящей матерью Луизой Гааг, а то теплой, говорливой нянькой Верой Артамоновной, учился ходить, играть, постигать мир Шушка... Саша... Александр Герцен... Разумеется, ни Саша, ни его высокородный родитель и предположить не могли, что через 110—120 лет белый особняк в глубине двора станет центром литературной жизни Москвы.

Не могли, понятно, предположить нечто подобное и не так уж редко встречавшиеся здесь Михаил Щепкин и Александр Островский, Федор Достоевский и Лев Толстой, Антон Чехов, Александр Блок и Валерий Брюсов. В начале двадцатых годов нынешнего столетия здесь бывал Максим Горький. Константин Станиславский и Владимир Немирович-Данченко, Федор Шаляпин и Леонид Собинов, Александр Южин и Александр Ленский навещали жившую неподалеку великую русскую актрису Марию Ермолову. Любимейшим местом прогулок Сергея Есенина и его друзей был Тверской бульвар и здешняя округа. На традиционном книжном базаре в июне 1929 года Владимир Маяковский надписывал свои книги нам, его молодым читателям и почитателям.

Байбаковы остановились, сели, застелив газетой влажную еще скамью, лицом к старому дубу, за которым в глубине двора стоял знакомый дом, и долго-долго сидели молча, обняв притихших и прильнувших к ним детей.

— Давненько ж, однако, мы здесь не были,— неожиданно для себя сказал Илья Николаевич.

— Давненько? — удивилась Раиса Сергеевна.— Как же тебя тянет сюда... Ведь прошлой осенью были...

— Неужто прошлой осенью? — переспросил Илья Николаевич.— А кажется, так много времени прошло...

— Ты опять вспоминаешь деда, Илюша? — сказала Раиса Сергеевна.— Не слишком ли мучают тебя твои воспоминания?.. Ничего же, голубчик, теперь перерешить нельзя...

— Нет, почему же деда?.. Я вспоминаю все то, что когда-то было со мной, вокруг меня... Нет, не только деда...

Она подумала, что он не хочет сказать правду, что-то вроде бы скрывает от нее.

— Зачем ты так, Илюша? — В ее голосе прозвучала обида.— Я же хорошо знаю и понимаю тебя... Ты вспоминаешь сейчас о деде, о его завещании. И внутренне казнишься...

Он ответил раздраженно:

— Говорю же, что не о нем...

— Ну, как знаешь,— сказала она и поднялась со скамьи.— Посиди здесь, а я пройдусь немного... Дети, пойдемте со мной, пусть папа посидит один, помечтает... А я покажу вам то, что вы еще не видели...

— Что ты им хочешь показать? — спросил Илья Николаевич.

— О, здесь много такого, чего они не видели... Ну, скажем, дом на Никитском, где жил Гоголь...

БУЛЬВАР

Очень не хотелось Илье Николаевичу признаться в этом, но в те минуты он действительно думал о деде. Только о нем. Дед словно бы стоял перед ним, прислонившись к дубу, рослый, плотный, с седыми прокуренными усами под мясистым носом, в заштопанной серой блузе, перехваченной солдатским ремнем, и черных брюках-галифе, заправленных в сапоги с высокими блестящими голенищами. Надо же так, но другой обуви у него никогда и не было, и сапоги эти он постоянно ремонтировал сам. Блузу же с накладными карманами ему когда-то сшила бабушка Лиза; после ее смерти — сколько лет прошло! — он носил ее постоянно, латал, чистил, стирал, но вновь и вновь появлялся в ней, неизменной, и дома, и на бульваре, и на заводе.

Письмо-завещание Михаила Поликарповича Байбакова, персонального пенсионера, умершего в 1963 году восьмидесяти трех лет от роду, его внуку Илье Николаевичу, инженеру-коммунисту, начальнику одного из цехов станкостроительного завода на Средней Волге, переслали из столичного райкома партии, куда Михаил Поликарпович, член партии с июля 1917 года, передал его на срочное хранение незадолго до своей кончины.

Письмо-завещание состояло из двух частей.

Первая его часть, уместившаяся на пяти страницах и, видимо, написанная уже после того, как была написана его вторая часть, начиналась словами: «Главное, Илюша, быть человеком!» — и состояла из беглого рассказа о его, деда, нелегкой жизни и «житейских» советов внуку, которого после родительских похоронок 1941 года он вырастил, воспитал, выучил, благословил на брак с Раисой и... проводил в Куйбышев. В этой части, между прочим, содержалось «пожелание, навеки нерушимое», чтобы он, Илья, вернулся в тот дом, в котором его, Михаила Байбакова, семья прожила, слава богу, шестьдесят пять лет.

Восемнадцати лет, полуграмотным парнем, пешком пришел он, Михаил Байбаков, в Москву из деревни Игнатьевки, Остропятской волости, Ефремовского уезда, с письмом от тамошнего помещика господина Львова к его дальней родственнице, знатной московской купчихе Олимпиаде Андреевне Кириковой, жившей «одним домом» с сыновьями Виктором Николаевичем, Михаилом Николаевичем и Петром Николаевичем на Тверском бульваре в собственном трехэтажном кирпичном доме за чугунной оградой, охраняемом дюжиной дворовых псов.

Дом, о котором идет речь, стоит на Тверском бульваре под номером четырнадцатым и по сей день. Он был построен в конце XVIII — начале XIX века, построен добротно и выглядел важно, как городская усадьба, генерал-майором от инфантерии Федором Ивановичем Масловым, семейство которого и жило здесь до 1844 года. В том году у обедневших генеральских наследников дом приобрел столбовой дворянин и гвардии поручик Николай Петрович Засецкий. Через одиннадцать лет, в 1855 году, и домом и усадьбой при нем завладел купец Иона Иванович Куренков и прожил тут без малого двадцать пять лет. А в 1880 году хозяином дома уже значился купец первой гильдии Ефим Абрамович Эфрос, у наследников которого, а может быть, у него самого в 1892 году и откупило приглянувшийся ему дом обширное семейство Кириковых.

Дом был построен на славу: менялись его знатные и богатые, разорявшиеся и покидавшие этот мир хозяева — дворяне и купцы, а он стоял прочно и неколебимо, как стоит и поныне, когда сама память о его былых владельцах сохранилась лишь в труднодоступных, покрытых пылью времени документах московских городских архивов.

Олимпиада Андреевна Кирикова не пожелала принять босоногого мужлана, хотя и явился он с письмом от родственника. Но дети ее — Виктор, Михаил и в особенности Петр — оказались людьми свойскими, маленько озорными, но в общем-то добрыми, отзывчивыми. Мать их не баловала и не жаловала, хоть и вместе с нею и значились они «потомственными и почетными гражданами Москвы». К тому же дому нужен был крепкий парень в дворницкую, Олимпиада Андреевна быстро сменила гнев на милость, и оказался Михаил Байбаков дворником у господ Кириковых.

Через двадцать пять или тридцать лет Ми-

хаилу Байбакову, к тому времени многое пережившему и многое постигнувшему, символичным представлялось то, что он пришел в Москву и попал на Тверской бульвар в тот самый день, когда, казалось, весь город, несмотря на проливной дождь, двинулся к памятнику Александру Пушкину, о котором он, Байбаков, деревенский паренек, тогда мало что и знал. С раннего утра и до позднего вечера люди группами и в одиночку шли и шли вдоль бульвара, несли цветы и венки из хвои и молча, склонив головы, возлагали их на блестящие мраморные плиты к подножию монумента,— москвичи отмечали столетие со дня рождения поэта.

Удивительным впоследствии представлялось Михаилу Байбакову и то, что памятник этот, по словам хозяйского сына Петра Николаевича, был открыт 6 июня 1880 года, а ведь как раз в этот день и появился на белый свет он, Михаил Байбаков. Уж не потому ли бронзовое изваяние склонившего голову поэта вызывало, особенно в вечерние часы, при свете больших желтых фонарей, стоявших у памятника, необъяснимый трепет в душе крестьянского сына — выходца из безземельной и безлошадной многодетной семьи.

И, конечно же, еще более странным и необъяснимым представлялось Михаилу Байбакову то, что именно здесь, возле хозяйского дома на Тверском, а точнее, у кряжистого дуба, который ветвями чуть ли не доставал до его окон, в памятный воскресный день в конце февраля 1901 года повстречался он со своей будущей женой и матерью шестерых его сыновей, Елизаветой Михайловной, в девичестве Кудриной, мастерицей из магазина дамских мод г-жи Переверзевой, что помещался за Страстным монастырем, в первом этаже углового кирпичного дома.

В тот день на бульваре было шумно. Большая толпа мастеровых и студентов шла от Никитских ворот с пением запретных песен. У самого дуба толпу встретила полиция, а за ней и подоспевшие на дончаках полупьяные бородатые казаки. Песня оборвалась, ее сменили крики и ругань, кулачная потасовка, страшная сумятица.

Лизу, что шла по Тверскому с коробкой к купчихе-заказчице, проживавшей у Никитских ворот, казак огрел по голове тупой стороной шашки. Она упала, на минуту потеряв сознание, ее лоб и глаза залила кровь. Михаил, наблюдавший за событиями с узкого тротуара проезжей части, перескочил через ограду, поднял девушку и перетащил ее вместе с ее коробкой во двор дома Кириковых, куском простынки перевязал ей голову. Проводить Лизу в мастерскую он смог только вечером, когда бульвар затих и баррикада была разобрана.

Через день они опять повстречались, а через три месяца, в начале июня, повенчались в церкви Иоанна Богослова, что наискосок от дома, через бульвар, в махоньком Богословском переулке.

«Навеки нерушимое» пожелание деда, чтобы он, Илья, вернулся в старый дом на Тверском, укололо внука. Он любил деда, особенно привязался к нему после того, как в июне 1941 года сначала отец, Николай Михайлович, мастер завода имени Владимира Ильича, а затем и мать, Евдокия Ивановна, медицинская сестра, ушли на фронт и не вернулись. Но он давно уже убедил и себя, и жену, и детей, да и дед этому, казалось, не перечил, что не может дальше жить в старой квартире, с ее узкими, всегда запыленными окнами, в этих стенах, когда-то, очень давно, оклеенных цветастыми обоями, в этой «конуре», как он называл про себя дедовское жилище, по которому нельзя было передвигаться бесшумно: дощатый крашеный пол трещал, словно рассыпался под ногами, а в окно постоянно смотрел искореженный, израненный временем дуб.

Вторую часть письма составляли двадцать два листа толстой мелованной бумаги, разлинованной простым карандашом и исписанной крупным ровным почерком темно-синими чернилами. Эту часть письма по прочтении дед просил передать в Музей Революции. Подробно, начиная с февраля 1901 года, он описывал революционные события, свидетелем которых был Тверской бульвар — тот самый бульвар, который до последних десятилетий минувшего века был излюбленным местом праздного времяпрепровождения московских бар. Утверждают, писал дед, что с появлением на бульваре купеческой молодежи дворянское общество перекочевало на Пречистенский, а отчасти и на Страстной и Петровский бульвары, но это не так. Господа дворяне покинули Тверской бульвар потому прежде всего, что здесь все чаще скапливались студенты-разночинцы и мастеровые, устраивали сходки социал-демократические рабочие. Под сенью пушкинского памятника бульвар становился общепризнанным местом недозволенных сборищ простого люда, вольнолюбивых речей и жарких схваток с полицией. Особенно многочисленной, по свидетельству деда, была наполовину рабочая, наполовину студенческая демонстрация в октябре 1904 года. А в конце сентября следующего бурного года бульвар в нескольких местах был наглухо перегорожен высоченными баррикадами из дубовых скамеек, старых водовозных бочек, каких-то ящиков и телег.

Подробно описывал дед и еще одну демонстрацию на Тверском бульваре и Страстной площади, свидетелем и участником которой он был в конце сентября 1913 года. О баррикадах же из скамеек и камней в сентябре 1915 года он писал уже со слов Елизаветы Михайловны, письмо которой, посланное в действующую армию, получил буквально чудом: письмо содержало жалобу на старших сыновей, которые тайком от нее, матери, встречаются с какими-то большевиками. О январской демонстрации 1917 года, в которой участвовало до двух тысяч рабочих и студентов, ему из камеры предварительного заключения написал старший сын, арестованный за «недостойное поведение по отношению к чинам полиции». Он читал это письмо товарищам по окопу и говорил:

— До каких же пор, господи?..

В начале ноября 1917 года, когда на Тверском бульваре отряды красногвардейцев вели наступление на позиции юнкеров, Михаил Байбаков вернулся в Москву из далекой Галиции с вещевым мешком за плечами и с винтовкой в руках. В тот день кончилась его дворницкая и солдатская служба. Январской ночью 1918 года Кириковы упаковали добро в мешки и чемоданы и убрались куда-то, напоследок пообещав вернуться. Но в тот же день перебрался Михаил Байбаков из дворницкого полуподвала на третий этаж хозяйского дома, осмотрелся и сказал:

— Ну, всё пока...

Тогда же вместе со старшим сыном определился на завод Михельсона.

— Большевики?— спросили их.

— Большевики,— твердо ответили и он сам и его сын.

— Воевали?

— А как же: я на фронте, там и в партию вступил, а молодец — здесь, на Тверском...

— Ну что ж,— сказали им,— пойдете в механический, там большевики нужны...

«Главное, Илюша, быть человеком!»— писал дед в своем письме-завещании. Его жизнь, трудная, необъяснимо переменчивая, думал Илья Николаевич, учила только этому.

Пеший путь из далекой деревеньки, из хаты с земляным полом, в богатый дом в самом центре столицы, восемнадцатичасовая черная работа во дворе и в конюшне. И тогда же первые встречи с рабочими людьми, беседы с ними у ворот, а то и на скамейке возле старого дуба. Женитьба, дети, семейные радости и горести. Два года в окопах в мировую войну, знакомство с большевиками, вступление в партию. Октябрь, завод и три года на фронтах гражданской войны. Потом снова завод: подсобник, станочник, помощник мастера, мастер, а после Промакадемии — заместитель директора.

К тому времени дети, кроме младшего, Николая, разлетелись по всей стране, как строители социалистической промышленности и ее работники. Виделись редко. У каждого было свое дело, свои стройка, завод и город. Но если сложить вместе дела каждого, то, право же, хватило бы и на пятерых. Они были братьями не только по отцу и матери, но и по духу, по захватывающему мысли и чувства удивительному времени. А когда встречались, то о делах говорили мало, с полувзгляда понимали друг друга. И каждый не раз про себя вспоминал однажды сказанные дедом слова: «Мы, Байбаковы, нынче повсюду — хоть Сибирь, хоть Кавказ, хоть Украина, по всей стране у нас свой Тверской бульвар. От одного корня идем — от рабочих и крестьян, и над землей, как птицы, парим...»

Великая Отечественная война — третья в жизни семьи. Фронтовой труд ночью и днем, гибель младшего сына, а потом и невестки. Тихо ушла из жизни Лиза, жена. Пятьдесят лет чувствовал рядом ее плечо, но не дрогнул, не надломился. Только в семьдесят два года вышел на пенсию и еще одиннадцать лет вел за собой совет ветеранов.

Да, большой путь прошел дед и добрый завет преподал внуку: «Главное, Илюша, быть человеком!»

Быть человеком — отзывчивым и твердым, ласковым и суровым, как сама жизнь. Быть хорошим работником и семьянином, гражданином и коммунистом — так Илья истолковывал завет деда. Потому и думал теперь только о нем, хоть и не признался в этом жене. Потому и сидел у дома, где дед и бабка прожили, по существу, всю свою жизнь. Он был, пожалуй, единственным в семье, кто мысленно всегда жил с ними, все в той же скрипучей квартире на третьем этаже старого дома на Тверском бульваре. А письмо-завещание деда еще больше разожгло это неискоренимое желание вновь и вновь побывать там, где прошли и детство, и юность, и первые годы трудовой жизни, еще и еще раз пройтись по Тверскому бульвару и поклониться застывшему в своем двухсотлетнем величии могучему дубу.

— Папочка!.. Папа!..

Илья Николаевич вздрогнул и оторвал взгляд от непроницаемой зеленой крыши заветного дуба. Странное, однако, дело: на какую-то долю секунды он показался ему не таким уж мощным, скорее уставшим и хилым. От бокового входа на бульвар к Илье Николаевичу бежали наперегонки Миша и Клава. За детьми поспешала раскрасневшаяся и, видимо, чем-то взволнованная Раиса Сергеевна.

— Папочка! — возбужденно, перебивая друг друга, рассказывали дети.— Мы знаем теперь, зачем ты сюда нас привел... Ты хотел показать, где когда-то жили и ты и мама... И наши бабушка и дедушка... И твои дедушка и бабушка тоже?..

— Потише, потише, ребятки, не так громко,— попытался было остановить детей Илья Николаевич, но взглянул на жену и все понял:

— Вы не были в доме Гоголя, Рая?.. Ты им показала наш дом, не так ли?..

— Показала...— как-то очень смущенно ответила Раиса Сергеевна.— Кому же, как не им, знать, зачем отцу понадобилась эта прогулка... И в нашу старую квартиру поднялись... И по всему третьему этажу прошли... И в подвал, в бывшую дворницкую заглянули... Пусть дед нас простит, но время неумолимо... В таких хоромах теперь только память живет...

— А Миша говорит,— прижимаясь к отцу, доверительно сообщила Клава,— что теперь таких домов вообще не строят, уж очень они какие-то тесные и до самого потолка переполненные, только собраны там не какие-то драгоценности, а так... разные вещички.

— Знаешь, папа,— сказал Миша,— когда мы вошли в этот дом, в такую низенькую-низенькую дверь, поднялись на третий этаж, а потом спустились в подвал, я даже подумал, что это музей... Но ведь это пока еще не музей, правда? Если там люди живут, значит, и такие дома бывают? Как ты думаешь?..

Илья Николаевич встретился взглядом с женой и не ответил на вопрос сына. Промолчала и Раиса Сергеевна.

— Пойдемте, дети,— сказал Илья Николаевич.— Нам надо спешить... У нас очень мало времени...

Они поднялись со скамьи и, не сговариваясь, еще раз взглянули на зеленый шатер старого дуба, на расположенный за ним в глубине двора старый-старый трехэтажный дом с лепным фронтоном. Посыпанные речным песком дорожки бульвара давно уже просохли. И Байбаковы шли, не оглядываясь, спокойно и легко. На Пушкинской площади они взяли такси. Их поезд уходил через час с Казанского вокзала.

Б. Кустодиев. 1878—1927. БОЛЬШЕВИК.

Н. Бабасюк. Род. 1914. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

В. Мешков. 1893—1963. ВСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В КРЕМЛЬ. МОСКВА. 1917 ГОД.

ВСЮДУ ПРОБУЖДАЮТСЯ НАРОДЫ

Антонио Торрес ГАРСИЯ
Чили

ОТСЮДА К ТЕБЕ ВЗЫВАЮ

С узкой ленты земли,
во тьме
протянувшейся вдоль океана,
это я столько дней неустанно,
споря с ветром, взываю к тебе.

Это я!
Слышишь, я говорю
с окровавленных пашен Чили,
с той земли, где меня растили,
где я встретил мою зарю.

У земли этой красный цвет —
нашей крови и нашей меди,
цвет, которым чилиец бредит
на чужбине в годину бед.

Здесь Вальдивия — город мой,
научивший меня не сдаваться.
Я потомок арауканцев,
что без страха вступали в бой.

Здесь земной кончается шар,
и на самом краю планеты
я кричу,
я взываю — где ты? —
сквозь чилийский кровавый
кошмар.

Где бы ни был твой дом
и как
ты бы ни был занят собою,
я взываю к тебе: будь со мною,
помоги разорвать этот мрак.

Я зову тебя:
рядом встань,
отрешись от своих сомнений,
ты не должен терять
мгновений,
пока Чили стонет от ран.

Позови за собой жену,
позови сына, дочь и брата:
ты поверь,
это очень надо —
вместе драться за эту страну.

Ты увидишь —
друг друга поймем,
даже слов языка не зная.
Я отсюда к тебе взываю:
слышишь —
голос гремит, как гром.

Перевод Феликса БУРТАШОВА

Назрул ИСЛАМ
Индия

В ПУТЬ

Иди вперед, иди вперед,
иди вперед!
Высоко в небе барабан горячий
бьет.
Внизу земля колышется
в тумане
И юность солнца утреннего
ждет.
Иди вперед, иди вперед,
иди вперед!

Ударим в двери утренней зари
и солнцу скажем весело:
«Гори!» —
и, ниспровергнув ночи алтари,
расстанемся с покоем,
и молодая песня зазвучит
и кладбища немые оживит,
и двери в мир без горя и обид
мы заново откроем.
Ты слышишь, как земля тебя
зовет,
не горестная мгла тебя зовет.
Отбрось печали, позабудь
сомненья,
освободись от мелочных
забот!
Иди вперед, иди вперед,
иди вперед!

Оковы распадаются — долой!
Основы зла шатаются — долой!
Повсюду пробуждаются
народы.
Вставай, не медли, дело за
тобой!

Вставай, себя от спячки огради!
Вставай и слабость вырви
из груди!
Из бренной пыли,
из земного праха
свой новый Тадж-Махал [1]
сооруди!
Вперед иди! Вперед иди!
Вперед иди!

Гауссу ДИАВАРА
Мали

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Мой друг,
мы празднуем
вместе со всей Москвой
день Октября.

Что такое Октябрь,
ты спросишь.
Осенний месяц в Москве.
Холодно,
и облетела листва,
и падает мокрый снег...

Но в этом ли суть?

Октябрь —
подземный толчок,
расколовший историю мира
на две части —
Былое
и Завтрашний день.
Это не только Москва
и Россия.
Это весь мир —
и восставшая Африка,
вдребезги бьющая цепи,
и обновленная Азия,
дерзко глядящая вдаль.

Алые флаги пылают —
пожар,
в котором обуглятся
и распадутся пеплом
обломки былого,
тюремные стены,
колодки рабов.

Музыка льется
и мне говорит
не об осени,
а о весне.
И хоть солнца
на небе не видно,
оно проступает
в каждой улыбке,
в каждом взгляде и жесте
и просыпается вдруг
во мне, африканце,
которому было с утра
холодно и неуютно...
Плывет над землей
белый голубь,
прильнувший к стальному телу
космического корабля...
Это и есть Октябрь.

Муин БСИСУ
Палестинский поэт

РЕВОЛЮЦИЯ

Революции кровь!
Ты течешь по земле,
и рождается
семя надежды во мне.
Прорастает сквозь сердце
росток мятежа,
и преступная ночь
уползает, дрожа.
Время движется —
неудержимо оно! —
и на жернов истории
сыплет зерно...
Время движется —
время весны и огня.
Революции кровь
обжигает меня!

Переводы Михаила КУРГАНЦЕВА

---

[1] Тадж-Махал — красивейший архитектурный памятник средневековой Индии.

Жолсеит Молдасанов: — Кумыс — это здоровье!

РОЖДЕННЫЙ

Утренний водопой.

В ПУТИ

Н. ХРАБРОВА,
фото Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Вместо эпиграфа к рассказу о жизни Жолсеита Молдасанова

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ, исследователь Средней Азии середины прошлого века:

«...Средняя Азия в настоящем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами... На развалинах многовратных городов стоят жалкие мазанки, и в них живет дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев...»

КУМУСЖАН ОМЕРБАЕВА, заведующая сектором массово-политической работы ЦК КП Казахстана:

— Велик Казахстан, девятнадцать областей у нас, около четырнадцати миллионов жителей. Среди тех, кто трудится на заводах и фабриках, на полях или пастбищах, их много, людей, живущих по тем законам, что мы называем «советский образ жизни». Все или почти все так живут! Но вы просите порекомендовать вам человека, который, представляя наш многонациональный Казахстан, воплощал бы наиболее типичные грани того образа жизни, который сложился после Октября семнадцатого года. Поезжайте в один из наших климатически сложных районов — в Кегенский. Там в совхозе «Каркаринский» работает чабан Жолсеит Молдасанов, Герой Социалистического Труда, делегат XXIV и XXV съездов КПСС, член Центральной ревизионной комиссии КПСС. Взгляните на карту — вот здесь, на самом краешке страны, на склонах Терскей-Алатау, находится его отдаленная зимовка...

БУЛАТ МАМБЕТОВ, секретарь Кегенского райкома партии:

— В совхозе «Каркаринском», где чабан Жолсеит Молдасанов работает, одних овец — пятнадцать тысяч голов. Двадцать чабанов за ними ухаживают. А Молдасанов особенный. Дело не только в том, что он талантливый чабан. Он еще и по-человечески талантлив — умен, доброжелателен, деликатен.

После XXV съезда партии, вернувшись из Москвы, он объездил все хозяйства района, рассказывал о съезде. Одна девушка спросила его: «Как москвичи одеты?» Молдасанов подумал и ответил: «Да как и мы с вами — хорошо, по моде, наверно. Но вот что точно заметил — по душевному строю колхозника нынче от академика не сразу отличишь».

СПАЙЫ ЖОЛСЕИТОВА, дочь чабана Молдасанова, преподавательница французского языка, кандидат в члены КПСС:

— Я у родителей старшая, мне уже двадцать шесть лет исполнилось, у самой двухлетняя дочь Чинар, а домой приеду — опять как бы в детство, в юность вернусь, меня здесь дочь сестрой называет. Я отсюда километрах в пятидесяти живу. Муж мой — преподаватель физики, и сама там, в школе колхоза имени Крупской, учу ребят французскому языку.

Родители у меня добрые. И есть еще такое многозначное понятие: простые. Они добрые и простые. И вполне современные люди. То, что быт у них современный,— это вторичный признак. Главное — это их осмысленное отношение к труду, месту в обществе, к окружающим людям и к семье в частности. Отец к жизни с большим любопытством относится, и вообще он такой своеобразный философ — серьезный и веселый одновременно. И, насколько я теперь могу судить, человек одаренный. Мы с отцом почти одновременно окончили: я — институт, он — вечернюю школу. У нас в семье сейчас семь человек учатся. Так что родителям хватает забот и тревог...

Осень 1930 года была холодной. Злой ветер метался от вершины к вершине на плато Торайгыр, на отгонных пастбищах Жаланаш. Вода в Мынжеле — Реке Тысячи Кобыл — была студеной, как лед. Рано начались дожди. Нурбала с каждым днем все тяжелее и тяжелее шла за отарой, мысли путались. Она слышала, конечно, что в городах открываются больницы, что на стойбища вызывают акушерок, но все это было незнаемое — не для кочевья. Ей хотелось одного — скорее дойти до Каркары, до юрты, чтобы ветра не было и воду можно бы подогреть. Не дошла. И потому мальчика назвали Жолсеит — «Рожденный в пути». Привезли его на зимовку в Кумтекей, недалеко от Каркары. Странное это место — в распадке между хребтами, где на высоте двух тысяч метров залегли сытые черноземы, вдруг протянулась полоса невесть откуда налетевших песков. «Длинный песок» — так переводится слово «Кумтекей», из давней давности идет предание о засыпанном здесь городе...

Все как у Чокана Валиханова записано, только на безвестных развалинах жили даже не в мазанках, а в пастушьих юртах и шалашах деды и прадеды Жолсеита Молдасанова.

Мальчик рос. О Чокане, о том, что он бывал в Кумтекее и на Каркаринских джэйляу и писал Достоевскому письма с раздумьями — наступит ли когда-нибудь в этом крае умная, добрая жизнь?— Жолсеит, конечно, ничего не слышал. Но каждый день он слышал одну и ту же суру корана: «Бисмилда алдрекбан рахым»,—ее во время намаза шептали старики. И когда он спрашивал, что это значит, никто не мог объяснить ему и сказать, что это арабские слова, искаженные неграмотными людьми до неузнаваемости. И непонятица эта отталкивала Жолсеита, а притягивало веселое, понятное: первые годы учения на казахском языке в Каркаринской школе. Учителя не муллы, они не били учеников, не заставляли долбить непонятные тексты, как пришлось старшему брату Мамраю, а хвалили Жолсеита за успехи в арифметике и родном языке. Но недолгой была школьная радость; однажды черным ветром влетело в Каркару слово «война», мужчины ушли на фронт. Мама, Нурбала, стала колхозным чабаном. Снова была холодная осень. Мать сказала Жолсеиту, что ей одной такая работа больше не по силам, а ему уже тринадцать лет — пора идти в помощники.

Он не стал спорить и проситься в школу, а пошел с ней на джэйляу. Уже тридцать три года длится эта дорога: дом — джэйляу. Были и другие, далекие дороги, так что он вполне оправдал свое имя — «Рожденный в пути».

Уже мальчишкой он знал, например, что нельзя два дня подряд пасти овец на одном месте. Определял по виду безымянные травы, особо полезные овцам. Теперь, присев на солнечном склоне Севрюн-Тобе, он разглаживает на колене листики этих трав и рассказывает о них:

— Вот кокмарал и жалбыз — разновидности мяты... Фашисты, будь они прокляты, не дали мне вовремя доучиться, боюсь, по-русски не все объясню. Мята, она овце, как и человеку, при пищеварении помогает, укрепляет сердце. Вот бетеге, по-вашему, кипец: главный овечий корм для накопления жира, мяса и шерсти, и для этого же бидаег и карачалган — разновидности пырея. Бете и ушкулак — сорта дикого клевера, они в характеристиках не нуждаются. А это узнаете? Ну да, дикий эспарцет. Видели, сейчас косят и на зимовке у нас скирдуют культурный эспарцет, сено из него очень сильное, если зимой овце дать его три килограмма, да два килограмма соломы, да триста граммов концентратов,— крепкие родятся ягнята. А если бы культурного эспарцета не было, пустил бы я на силос этот вот аткулак — конский щавель, тоже хороший корм. Это кокпек и алабота — лебеда, казтанлай — гусиный лук, чытыр — сурепка. Сотни трав, всех названий еще не знаю. Зато знаю, что на таких травах грех не выращивать лучших в мире овец.

Если на развалинах видишь новые города и они прекрасны, тут все понятно, все отрадно. Но как определишь новое отношение к труду, как отличишь его от всегдашнего крестьянского трудолюбия? Ведь Нурбала, мать Жолсеита, тоже была хорошим чабаном, как и деды и прадеды. Однако как много надо было не только узнать, но и понять Жолсеиту, чтобы произнести эти слова «грех не выращивать лучших в мире овец». Ведь «лучших в м и р е» — это уже не чабанская забота. Это забота государственная, проблема экономическая.

А овцы и в самом деле хороши. Крупные архаро-мериносовые матки с густо отрастающей шерстью и мохнатые миляги ягнята во главе с самодержцем всей отары черным козлом Мишей лавиной спускаются по распадку к речке Каркаре на водопой. После водопоя Жолсеит и его помощник Уркунбай встают друг против друга, образуя как бы ворота, и в эти ворота первым — с наполеоновским видом — проходит Миша, а за ним попарно следуют овцы с ягнятами. Смотреть на это удивительно,— огромная отара проходит чинно и медленно,— овцы словно понимают, а может, и понимают? — зачем: чтобы их сосчитали, все ли на месте. И чтобы осмотрели, все ли здоровы. И так каждый день.

Кормить овец — забота номер один. А вторая забота — получить от них хорошее потомство. И здесь Жолсеит Молдасанов знает такие тонкости селекции, что не всякому зоотехнику с высшим образованием доступны. Мы сейчас в эти тонкости вдаваться не станем, скажем только, что, окончив специальные курсы, за последние двадцать лет селекционной работы Жолсеит сумел вывести породу овцематок, рождающую двойняшек. Вот откуда в отаре такие достижения: если в среднем по республике от ста овцематок получается сто два ягненка, то здесь овечье население растет так — от ста овцематок рождается и сохраняется сто семьдесят пять ягнят. Мало для этого знания трав, понимания биологии овечьего организма. Ягнята рождаются зимой, а зима в Кумтекее многоснежна, ветрена и морозна. В эти дни Жолсеит говорит своей жене Ултуар:

— Бери еду, и идем в кошару.

А от кошары до дома — от силы тридцать шагов. Но и этих тридцати сделать некогда. Некогда как следует поесть, бывает, что сутками и не вздремнешь. Надо принимать ягнят, греть воду, готовить роженицам усиленный рацион и топить, топить, топить печь, чтобы новорожденным было тепло.

А зачем? Ну зачем так работать, так не щадить себя? Можно ведь взять на это время помощников, и станет легче.

— Будет не то,— говорит Жолсеит.

И я понимаю всю неуместность такого предложения: какой же мастер поручит самую важную работу другому?

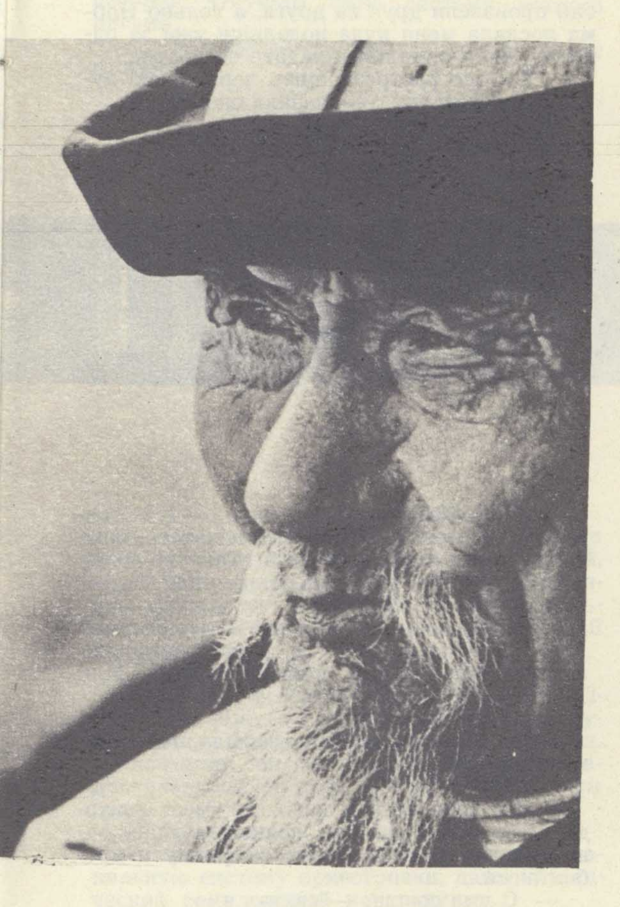
Наверняка найдутся такие, кто скажет: из корысти Молдасанов работает, для богатства. Недоброе это предположение лежит прямо на поверхности. Зимовка в Кумтекее, на засыпанных песком древних развалинах, богата. Это семикомнатный дом с модной мебелью немецкого производства, с электричеством, с дорогим телевизором марки «Горизонт». Чабан Молдасанов садится на своего коня Тората только на джэйляу, все остальные ближние и дальние поездки совершает на «Волге» бирюзового цвета — естественно, сам за рулем. Отпуск в прошлом году проводили за рубежом — вместе с Ултуар путешествовали по Монголии. Полная чаша дом чабана в Кумтекее, длинный стол всегда накрыт, постоянно фыркают два самовара — в доме часто бывают гости. Собственно, это не совсем гости, все они приходят по делу. То соседние чабаны — за советом по овечьим делам, то райкомовские работники с делегациями из соседних республик — тоже за опытом. Люди с соседних зимовок: «Сядь за руль, отвези захворавшего в больницу»; мать с ребенком: «Дай мази из чабанской аптечки, девочка руку обожгла»; родители с дальних отгонных пастбищ: «Посоветуй, как детей устроить учиться в школу-интернат»... Жолсеит помогает как может и при этом угощает на славу по закону гостеприимства, потому что древний этот обычай — сначала напои и накорми, а потом спроси, кто и зачем,— здесь в прежней силе.

А вот культ вещей в дом Молдасанова не проник. Дети привычно играют на покрытых коврами диванах, а на «Волге» Жолсеита кто только не ездил.

Нет, не из корысти работает Жолсеит. В семье давно уже установилось полное материальное благополучие, а работы все больше, она все сложнее и напряженней.

Одним самоваром тут не обойдешься.

Брат Жолсеита, Мамрай,— старший в семье.

Читателей «Огонька» приветствуют Спайы Жолсеитова и младшие представители семьи прославленного чабана.

Для славы?

Но имя Жолсеита Молдасанова давно известно в Казахстане и за пределами республики, труд его оценен многими наградами, в 1973 году он стал Героем Социалистического Труда. Ултуар этим летом вручили орден Трудового Красного Знамени за работу с отарой. Много наград и у помощника чабана Уркунбая Шалакунова. Не обошла слава зимовку Кумтекей.

Может быть, для детей стараются?

Может быть. Десять детей в семье — десять тысяч тревог. Первую дочь назвали Спайы, в переводе на русский это значит «Учтивая, вежливая»: так хотели воспитать, так и воспитали ее родители. Выучилась, стала преподавать французский язык, а приедет домой — кобыл и коров подоит, обед сварит, комнаты приберет и все с улыбкой, с легкой радостью: помочь! С детства привыкла, всем младшим была нянькой, помогала родителям воспитывать Ербулата, Бекбулата, Есбулата, Канатбека, Жаната, Свету, Индиру, Майгуль и самого маленького — Нурсеита.

Детям надо дать возможность учиться, пусть даже их помощь в домашних делах сверхнеобходима, считает отец, который хорошо помнит свое детство. Но только баловать их нельзя, и тут он совершенно непреклонен: человека делают человеком труд и скромность. Да, теперь, конечно, он на машине ездит на джяйляу, а когда, мальчишкой, только стал чабаном, не было у него не то что коня или быка — ишака не было. За отарой пешком шел на бесснежные зимние пастбища Торайгыр — сто двадцать километров в один конец. Ребенок должен начинать с дороги — пусть это будет даже дорога от дома до летней кухни.

И еще он считает: лучше недохвалить, чем перехвалить.

— Хочу быть чабаном,— говорит восьмиклассник Жанат. По повадке-то он вроде бы уже готовый чабан — в седло взлетает птицей, лихо нахлобучив шляпу на лоб.

— А чабана из него не получится,— говорит отец, провожая его взглядом.— Лодырь, пешком ходить не хочет. И потому пастбища и травы плохо знает. Наездник, а не чабан.

А «лодырь» Жанат в школе учится на пятерки, а «наездник» Жанат вьется вокруг отары все лето.

— Я ж не говорю, что он плохой. Он добрый. Пес Булкар как-то в барсучий капкан попал, Жанат разыскал его в тугаях, лапу перевязал, выходил. Теперь этот Булкар меня и не узнает, а с Жаната глаз не спускает, будто к нему накрепко магнитом притянуло. Пусть Жанат учится. Вот Нурсеит подрастет — этот, может быть, чабаном станет...

Света, Индира и Майгуль приезжали на лето из школы-интерната — отдохнуть на зимовке. Утром они поднимаются рано, таскают хворост и кизяки, ставят самовары, топят летнюю печь, сбивают кумыс, моют и моют посуду. Каждый знает свое дело. Даже шестилетний Нурсеит занят — гоняет мух с веранды и ездит с отцом на поля, где косят эспарцет. Только перед закатом дети уходят в пески, строят там крепости и города и танцуют на их желтых площадях, по-восточному подняв к небу длинные тонкие руки. А днем вдруг куда-то исчезают, совсем их не слышно. Оказывается, читают. В книжном шкафу в семье чабана стоят казахские, русские, немецкие, французские книжки.

Незаметно, чтобы родители специально занимались воспитанием детей. Просто пример родителей у них всегда перед глазами, и известно с пеленок, что никто и ни в чем не должен лениться и требовать необходимое надо не с родителей, а с себя.

— Мы с отцом считаем, что они должны знать и нашу работу,— говорит Ултуар,— и учиться, читать как можно больше, пусть получат сполна все, что им государство дает.

А может быть, неуемное трудолюбие Жолсеита — это просто давняя, потомственная привычка к чабанскому делу, может, ему ничего другого и не нужно? Ведь только в 1962 году семья перебралась из юрты в дом, да не в этот, большой, а сначала в маленький.

— Мне, и верно, юрта была привычней,— рассказывает Жолсеит.— Это я теперь совсем освоился среди европейской мебели, за европейским столом, а пятнадцать лет назад сначала машину купил, а потом дом начал строить. Ну, купил машину, кончил в Алма-Ате водительские курсы, стал шофером второго класса. И вдруг почувствовал: не хочу больше быть чабаном, от руля оторваться не могу. Конь стал не мил — скорость не та. Запах бензина полюбил. Стал думать: буду шофером. Спать не мог — думал. Сам с собой спорил, чувствовал, как-то не так поступаю. Для себя добра ищу: чтобы мне интересней было, легче же по асфальту на машине кататься. А я ведь здесь комсомольцем стал, совсем молодым в партию вступил, ордена получил. Взять — взял. А возвращать пусть другой станет, пока я буду автомобилизмом увлекаться? Возвращать-то еще много надо: доверено мне двести пятьдесят гектаров хороших пастбищ, тысяча семьсот голов овец новой, наилучшей породы. Плохим бы я был примером для школьников, которые после десятилетки целыми выпусками в сельском хозяйстве остаются. Да и вообще грош цена человеку, который только для себя хочет жить. Ну, и остался...

Он остался и встает всегда раньше солнца. Ночью в горах студено — весной, летом и осенью. Кажется, усеянное звездами небо льет и льет на землю свой высокий холод. Семья еще спит, когда Жолсеит уходит на джяйляу. Семья уже спит, когда он возвращается домой. Иногда он приезжает пообедать — на машине это быстро. Но чаще не успевает, потому что он член бюро райкома и депутат,— у него много общественных обязанностей. Получается так, что для себя нет ни одной минуты. И в то же время все, что он делает, в первую очередь нужно ему самому.

Вот тут, пожалуй, и есть главное объяснение работы, образа жизни Жолсеита. Все остальное — и то, что он был избран делегатом XXIV съезда партии, а на съезде — членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, и звание Героя Социалистического Труда, и вновь избрание делегатом на XXV съезд партии и в Центральную ревизионную комиссию — все это следствие его образа мыслей и поступков.

За неделю жизни в его семье я почувствовала: время в Кумтекее убыстрено, заряжено особой энергией. То, на что европейцам потребовались столетия — то есть на достижение определенного уровня духовной и бытовой культуры,— здесь, в Советском Казахстане, происходит за считанные годы, и что недавно живший в юрте Жолсеит Молдасанов держит вилку и нож с элегантностью дипломата — это, конечно, мелочь, это попутно.

Но его спор с самим собой, его пережитая, продуманная, спокойная и твердая уверенность в главном смысле жизни — все, что делаешь для пользы общества и государства, делаешь и для себя, это уже взгляд на жизнь, позиция в жизни интеллигентного советского человека. Полная чувства собственного достоинства, ставшая уже привычной жизнь в окружении красивых вещей без малейшей тенденции служения им; потребность в знаниях, в чтении; стремление воспитать детей трудолюбивыми, культурными, образованными — вот он каков, образ жизни Жолсеита.

...Есть люди за пределами нашей страны да и у нас еще есть такие, которым не совсем понятна эта диалектика, это единство между трудом для себя и трудом для общества. А пока они пытаются понять и оспорить, такое отношение к труду становится у советских людей как бы врожденным чувством. Оно приходит не сразу, оно рождается и в борьбе мнений по-разному мыслящих людей и в таком вот споре человека с самим собой. Рождается. Побеждает. Становится философской и политической категорией в нашем советском образе жизни, краеугольным камнем в социальном устройстве общества.

...К концу недели, проведенной на зимовке в Кумтекее, я записала в блокнот древнюю и в общем-то всеоправдывающую мысль о том, что человеку ничто человеческое не чуждо. Но записала так: «Молдасанов — Человек, и ничто Человеческое ему не чуждо». То Человеческое, что с большой буквы, стало обычным на самом краешке страны, на отдаленной зимовке — она даже от Алма-Аты находится за пятью реками и тремя перевалами. Вот в чем наша сила.

...А от страничек блокнота до сих пор пахнет полынью и мятой. И неотвязно все думается и думается о Чокане Валиханове: жаль, что не вечен самый гениальный ум и что не дано ему видеть будущего!

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕШЕ

ГЛАВА 18

Мой отец принялся защищать Джули еще до суда. Он опубликовал в нашем «Стандарде» заявление, в котором говорилось: каждый, кто выскажет в адрес его клиента обвинения, которые суд впоследствии признает ложными, будет нести ответственность за клевету, оскорбление или поклеп. Иными словами, если Джули признают невиновным, кое-кто из наших местных сплетников пойдет под суд. В таком городке, как наш, с подобным предупреждением, да еще исходящим от моего отца, приходилось считаться.

С точки зрения юридической, думаю, это заявление большой силы не имело, однако оно положило конец некоторым самым чудовищным сплетням в барах гостиниц, в парикмахерских, по телефону и у церквей после воскресной службы. Но не всем: всегда находился какой-нибудь новый повод почесать неуемно зудящие языки. Уже одно то, что защиту Джули взял на себя мой отец, было волнующим событием, и на каждом углу кто-нибудь по этому поводу ахал. Когда обвинителем назначили вечного противника отца, Страппа, весь город взвыл от восторга. Значит, будет бой. Сражение в суде разыграется на славу. Итак, вместо того чтобы притушить страсти, отец бессознательно их разогрел.

Первые его приготовления были, как обычно, непредсказуемы. Отыскивая внутреннюю логику случившегося, он всегда начинал как бы нравственно врастать в дело, он чувствовал себя в ответе за него — и потому, казалось, отрешился от всего на свете. Ходил по городу и никого и ничего не замечал. Когда к нему обращались, слушал вполуха. Когда разговаривал, словно не весь участвовал в разговоре. Но мы понимали, чтó с ним происходит. Пока он не почувствовал, что и вправду в ответе за дело, оно для него попросту еще не существовало. Итак, нам оставалось только ждать, и хоть я очень верил в отца, мне не нравилось, что обвинитель — его извечный противник прокурор Страпп.

Страпп и мой отец ни в чем никогда не сходились — в суде ли, вне его. И потому каждый считал для себя делом чести не дать другому одержать над ним верх на процессе. Обычно от этого их борьба становилась на редкость увлекательным зрелищем. Но теперь это означало, что Страпп будет чересчур придирчиво, чересчур тщательно, чересчур хладнокровно выискивать всё новые подтверждения виновности Джули. Это значило, что смерти Джули добивается очень искусный человек.

Первые шаги обоих были очень деловитые, сами собой разумелись. Отец, например, каждый вечер бывал в доме Джули и подолгу беседовал с жильцами. Он уже познакомился с показаниями, которые они давали сержанту Коллинзу. Но отец считал, что всякие показания — наполовину ложь и на три четверти правда, даже если бы их давал сам господь бог.

— Они не могут не быть неправдой, — говаривал он, — ведь это всего лишь утверждения без объяснений.

Покончив с кварталом евангелистов, он взялся за всех, с кем Джули связывали в последние годы хоть какие-то отношения: то были директор нашей школы, учителя, Дормен Уокер, школьные товарищи, даже Джо Хислоп. Мне любопытно было, разыщет ли он доктора Хоумза, ведь в день убийства миссис Кристо Хоумз был в городе, но с тех пор не показывался. Отец искал чего-то характерного и даже поразительного, что могло бы ему помочь, но чего именно ищет, он нам пока не говорил, если даже знал это сам. И почти всегда по пятам, а то и на шаг впереди шел его противник — толстяк в галстуке-бабочке и ослепительно белой сорочке, Д. С. Страпп.

— Почему ты не добиваешься, чтоб Джули отпустили на поруки? — спросил я отца, когда он отказался рассказывать мне о своих посещениях Джули в тюрьме. Вопрос этот я задавал ему не раз.

— Потому что просить надо полицейский суд,— объяснил отец,— а судья Крест, безусловно, откажет на том основании, что речь идет о матереубийстве, и в умах присяжных это ляжет еще одной тяжкой гирей на чашу виновности подсудимого.

— Ну, а как сейчас Джули? Хоть это ты мне можешь сказать?

— Он в хороших условиях. Он сыт. Дверь его камеры не заперта. Он выходит в уборную и возвращается в камеру, когда ему заблагорассудится, и ему разрешено читать и делать записи в этих его школьных тетрадках сколько душе угодно. Я пытаюсь научить его играть в шахматы.

— Джули?!

— Да.

— У него не хватит терпения,— сказал я.

— А ты откуда знаешь?

Я ответил, что знаю Джули.

— Очевидно, не знаешь. Когда он может делать что-то сам, терпения у него предостаточно.

Мне это в голову не приходило, и, конечно же, отец был прав.

Но вот на самые главные вопросы — как Джули объясняет случившееся — отец отвечать не хотел. Я понимал, ему нелегко: попробуй выуди из Джули хоть слово! Однажды, отправляясь к Джули, он даже взял с собой Бетт Морни, и я надеялся от нее хоть что-нибудь да узнать.

Но когда я ее спросил, она сказала:

— Я обещала твоему папе, что никому ничего не расскажу. Даже тебе, Кит.

— Но ты хоть сумела разговорить Джули?

— Я ничего не скажу, Кит. Я обещала твоему папе.

— Ну, а выглядит Джули как, получше? Это-то можно сказать!

— Почему ты не спросишь у отца?

— Потому что я его сын, да еще репортер. При таком сочетании у него совсем нет ко мне доверия.

Бетт подумала и сделала мне небольшую уступку:

— На днях Джули спросил, как ты поживаешь.

— Это прекрасно. Здорово. Но я спрашиваю, как он сам.

Она ответила не сразу. Видно было, что она огорчена.

— По-моему, Джули хочет остаться там. По-моему, он вовсе не хочет выходить из своей камеры.

— Вполне понятно, — сказал я.

— Нет, непонятно, — возразила Бетт.

Мне не хотелось затевать безнадежный спор, который ни к чему не приведет, и я спросил, когда она возвращается в Мельбурн. Мы стояли у всех на виду, перед лавкой ее отца. Бетт уже пропустила десять дней занятий, и мне не верилось: неужто ради Джули она способна забросить колледж?

— Послезавтра, — ответила она. — Джули в хороших руках, Кит. Ты должен гордиться своим отцом.

Я поклонился в пояс на японский манер.

— И нечего насмехаться, — сказала она. Но сказала с милой своей улыбкой, открыто глядя мне в глаза, и где уж тут было оправдываться. Но, возвращаясь в тот день домой, я думал о Джули уже не с такой тяжестью на сердце.

Отец брал с собой в камеру к Джули не только Бетт. Однажды он прихватил и Норму Толмедж, и теперь я был уверен, что сумею подобраться к стенам тайны, которой он окружил Джули. Но уж не знаю, какое там необыкновенное впечатление все они произвели друг на друга, а только Норма послала меня куда подальше уже за одно то, что я осмелился задать ей вопрос.

— Ты все растрезвонишь через свою дурацкую газетенку, — сказала она.

— Спятила! — вскинулся я. — «Стандард» не имеет права ничего печатать, пока не началось слушание дела. Так что я ничего не мог бы написать, даже если бы захотел.

— Тогда чего пристаешь с вопросами?

— Да ведь я, кажется, друг Джули, милая, очаровательная, наивная Норма. Или ты забыла?

Норма засмеялась.

— А ведь я и вправду забыла, Кит. Это все твой отец.

— То есть?

— Он ведь всех и каждого умеет взнуздать, верно? Меня, во всяком случае, запряг, и не надейся, что я взбрыкну и проболтаюсь.

— С ума сошла, — сказал я.

— А Джули в полном порядке, — сказала она. — Но он такой чистюля, правда? Я раньше даже не представляла.

Норма красила губы, и сурмила брови, и носила шелковое белье, и в ванной у нее дома была горячая вода (для нашего города большая редкость), но чистюлей ее никак нельзя было назвать, она и сама это знала. И гордилась этим.

К тому времени я почувствовал, что меня напрочь отстранили от всего, что происходило вокруг Джули. В сущности, теперь, когда защиту взял на себя мой отец, я и не жаждал вмешиваться, но стал побаиваться: а вдруг, если отец уж вовсе от меня отмахнется, он что-нибудь упустит? Я еще раз попытался заговорить с ним о Джули и его матери, но он тут же меня оборвал.

— Мое правило тебе известно, — сказал он.

А правило было такое: пока дело не начали слушать, отец с домашними его не обсуждал. Но напрасно он надеялся, что мы вечно будем подчиняться этому правилу: рано или поздно мы уж вынудим его както нам ответить.

— Но ведь ты еще очень многого не понимаешь в Джули, — настаивал я.

— Когда мне понадобится твоя помощь, я ее попрошу, — сказал отец.

Я проклинал его неодолимое, единственное в своем роде, слепое, чудовищное упрямство в духе викторианской эпохи и под стать поклоннику философии Беркли. По-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—44.

том однажды мы столкнулись с ним, когда шли домой обедать. Обычно я старался не встречаться с ним на улице по дороге домой, ведь говорить-то нам было не о чем. От этого мне всегда становилось как-то неловко, не по себе. Да еще у отца была привычка ходить, никого не замечая и не помня, что на него смотрят люди.

— Я вижу, среди тетрадок, в которых молодой Кристо что-то там строчит, есть твои, — сказал он.

— Я их дал ему, — бросил я с вызовом.

— Но ведь они как будто были уже исписанные?

— Да, почти целиком.

— Так что же он в них пишет?

— А ты разве не смотрел?

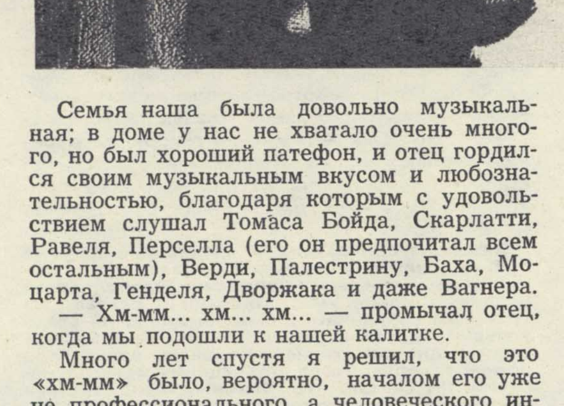
— Он держит их в чемодане, который ему принесла мисс Толмедж, и явно не желает, чтоб их кто-нибудь видел.

Я порядком разобиделся на отца, мне даже неохота было ничего ему говорить. Но кому от этого будет лучше? И я рассказал ему о тайной алгебре Джули, о том, что он изобрел какую-то свою систему нотного письма.

— Ты хочешь сказать, он сам сочиняет музыку?

— Да.

ННЫЙ

— И какая она, эта музыка?

— Сам не знаю. По-моему, это что-то вроде строгих математических построений, как у Палестрины или у Букстехуде. Толком не разберу. Знаю только, что он пользуется какой-то очень сложной системой контрапункта.

— Невероятно...

— Ничего невероятного тут нет, — вспылил я. — Джули сочиняет сложнейшие музыкальные фразы. Я это видел. И слышал. И, по-моему, он даже додумался до двенадцатиладовой системы или до чего-то в этом роде...

— Невероятно...

— ...и мне кажется, он сам открыл правильную систему оркестровки, даже классический семиладовый контрапункт.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Но если б ты когда-нибудь слышал, как Джули сводил в единое целое отдельные музыкальные фразы или даже просто как он играл с «Веселыми парнями», ты бы поверил.

— А ты слышал, как он играл с «Веселыми парнями»?

— Конечно.

— Когда?

— Однажды вечером.

— Где?

— На одной загородной танцульке.

— Ты не говорил маме, что ходишь на загородные танцульки.

— А я и не хожу, — сказал я. — Я ведь не танцую. А пошел тогда, чтоб увидеть и услышать Джули. Он играет на всех инструментах, какие только есть у них в джазе, кроме пианино, к пианино он не прикасался.

— Значит, он сочиняет джазовую музыку.

— Нет, не джазовую. Он играет с «Веселыми парнями», потому что надо же ему где-то и с кем-то играть. И еще это имеет отношение к его матери. Но в тетрадках он записывает не джазовую музыку, это куда серьезней джаза. Это подлинная сложная музыка, я уверен.

— Ты можешь это доказать?

— Как это докажешь? Для этого надо иметь хотя бы одну его тетрадку и расшифровать его нотные записи, а они совсем необычные, по вертикали, а не по горизонтали.

Семья наша была довольно музыкальная; в доме у нас не хватало очень многого, но был хороший патефон, и отец гордился своим музыкальным вкусом и любознательностью, благодаря которым с удовольствием слушал Томаса Бойда, Скарлатти, Равеля, Перселла (его он предпочитал всем остальным), Верди, Палестрину, Баха, Моцарта, Генделя, Дворжака и даже Вагнера.

— Хм-мм... хм... хм... — промычал отец, когда мы подошли к нашей калитке.

Много лет спустя я решил, что это «хм-мм» было, вероятно, началом его уже не профессионального, а человеческого интереса к Джули. Во всяком случае, на этот раз я все-таки сказал то, что нужно, и в следующие несколько дней он дотошно расспрашивал меня о Джули и миссис Кристо. Почему я думаю, что участие Джули в джазе как-то связано с его матерью? И как именно?

— Это только мои домыслы, — неохотно сказал я.

— Объясни их.

— Боюсь, это слишком книжно.

— Ты хочешь сказать, что додумался до этого, но боишься перемудрить?

— Да, пожалуй.

— Тогда дай мне возможность рассудить самому. Я слушаю...

И прямо в саду, под персиковыми деревьями, где мы тогда стояли, я, точно свидетель перед судом присяжных, стал сбивчиво толковать о Джули и его матери. Но вот беда: не мог я объяснять отцу, какую роль в отношениях Джули и миссис Кристо играла ее женская суть. Не мог сказать ему, что, зная, как она хороша и соблазнительна, женщина эта старательно отгораживалась от мирских соблазнов стеной незатейливой веры и добродетели. Не мог объяснить, какую неукротимую враждебность эта вера и добродетель вызывали в Джули. И, уж конечно, не мог объяснить этих ее объятий.

И все-таки мало-помалу, случай за случаем отец почти все это из меня вытянул. Даже воспоминание о ее вечных материнских нежных объятиях.

— А ты что делал, когда она кидалась тебя обнимать, если я правильно тебя понял?

— А что я мог делать? Бывало, что увертывался, если успевал. — Я несколько покривил душой, но не рассказывать же отцу о путанице чувств, которую вызывали во мне эти ее объятия.

— А что делал Джули, когда мать вот так к нему кидалась?

Тут я понял: всякий, кто видел миссис Кристо, услыхав про эти объятия, мучительно задумается, и отец мой не исключение.

— Смотря по тому, ждал ли он этого. Если она заставала врасплох, терпел. А если увидит, что она собирается его обнять, такими глазами посмотрит, что она сдерживается. Или просто увертывался.

— А мать что же?

— Ничего. Она всегда уважала его волю. Раз он не хочет, значит, не хочет.

— Ты когда-нибудь слышал, чтоб они ссорились?

— В жизни не слыхал, чтоб они сказали друг другу грубое или резкое слово.

— Тогда почему же он избегал материнской ласки?

— Потому... потому что ему это было не по душе, — запинаясь, ответил я. Мои неуклюжие объяснения были явно чересчур поверхностны.

— Но как все-таки они вели себя друг с другом? — озадаченно спросил отец. — Говори яснее. Каковы они были друг с другом?

— Казалось, они всегда тянут один и тот же воз, но в разные стороны, — сказал я. Наконец-то мне удалось найти затасканные, но верные слова для своей мысли.

Отец задавал мне еще и еще вопросы, но чем дальше, тем отчетливей я понимал: он ищет чего-то более здравого и убедительного, на чем можно бы строить защиту, моих воспоминаний ему явно недостаточно. Говори яснее, требовал он. Какая уж тут ясность, когда говоришь обо всей жизни Джули. Не мог я сказать, почему он замкнулся в своей скорлупе, для всех недосягаемый, от всего отрешенный. И даже если бы я мог хоть что-то объяснить и отец попытался бы строить на этом защиту, все равно ни судьи, ни присяжные подобных фантазий слушать не станут.

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

НА КРЕСТЬЯНСКОМ РАСПЕВЕ

Н. АЛЕКСЕЕВА

— Валентин Сергеевич, каким вы, художественный руководитель коллектива, видите его будущее?..

Это был уже последний вопрос из тех, с которыми я обратилась к народному артисту РСФСР композитору В. С. ЛЕВАШОВУ, возглавляющему Государственный ордена Трудового Красного Знамени академический русский народный хор РСФСР имени Пятницкого.

* * *

«...Теперь старинные русские напевы можно услыхать только в самой глухой деревне и притом только от самых старых крестьян». «Умирает русская песня...», «умирающее народное искусство»,— беспокоилась на страницах газет и журналов русская интеллигенция начала века... Но в феврале 1911 года на сцену малого зала Благородного собрания впервые вышли крестьяне. Смущенные, подбадриваемые своим вдохновителем и руководителем Митрофаном Пятницким, они сами себе казались неловкими, неуклюжими в этом зале, в своих старинных деревенских костюмах, лаптях и онучах. Но они запели. Необычной красоты напевы, естественно и правдиво разукрашенные подголосками, поразили присутствующих.

Народная песня вышла на сцену. Вышла и осталась на ней жить.

В. С. ЛЕВАШОВ. Песня — это не только душа народа, богатая, чистая, щедрая, это и его история, его жизнь, неотделимая от человека, от его труда, быта, досуга. Человек высказывает в песне самого себя, свое отношение к жизни, к действительности. И поэтому мы очень широко привлекаем сейчас современных композиторов к работе с нашим хором. Пахмутова, Туликов, Анатолий Новиков — наши песенники. Мы открыли двери для тех, кто хочет попробовать свои силы в нашем жанре, который крепко стоит на музыкальных основах старинной крестьянской песни. На крестьянском распеве. Больше того, мы беремся ставить и большие вокально-хореографические композиции: «Здравствуй, Волга!», «Расцветай, земля весенняя»... Это уже крупные формы, которых раньше у нас почти не было, за исключением известных постановок «За околицей» и «Деревенская свадьба». Но то был чистый фольклор, восстанавливались и реставрировались обычаи, обряды — в том виде, как они существовали в деревне. Теперь же сочиняем заново и говорим о сегодняшнем.

Много песен собрал по воронежским деревням Митрофан Пятницкий. Он сам был певец и знаток искусства. В тех поездках, наверное, он и надумал создать хор, где бы прозвучало:

Отчего этот вот камень,
Э-эх, да камень зарождается,
Зарождался этот вот камень,
Э-эх, камень от крутых от гор...

Небольшой крестьянский хор, организованный Пятницким, и стал тем первым «камнем», который вызвал бесконечную лавину песенных коллективов, проложив широкий путь народной песне...

В. С. ЛЕВАШОВ. Наподобие хора Пятницкого создано много ансамблей, начиная с Северного хора, кончая Омским, Уральским... Однако наш коллектив остается своеобразной академией для всех народных коллективов — профессиональных и самодеятельных. Особенно самодеятельных. У нас одних только «спутников» около десятка. Проводим семинары руководителей, помогаем репертуаром. Иногда пишем для них новые песни, рисуем эскизы костюмов, выезжаем с консультациями, организуем встречи с солистами хора.

До 1917 года хор Пятницкого, поддерживаемый лишь энтузиастами, давал не более двух-трех концертов в год. Первое время репетировали на задворках Новодевичьего монастыря. Нередко репетиции вмешательством полиции прекращались, тогда солисты пели в крохотной квартире Пятницкого. Революция сделала первый русский хор необходимым народу, строящему новую жизнь.

В годы гражданской войны приходили участники хора с фабрик и заводов — с котомками, в зипунах — на вокзалы, где плачущие женщины провожали солдат на фронт. Усаживались в теплушки и начинали петь все те же крестьянские песни. Вместе с эшелонами следовала в разные концы России песня...

В. С. ЛЕВАШОВ. Существуют две точки зрения на фольклор. Одна чисто научная, этнографическая, другая — творческая. Одни говорят: не трогайте то, что записано. Другие же считают песню живым организмом, с которым нужно обращаться достаточно тактично, но, во всяком случае, можно его растить, развивать. Я, например, считаю, что народная песня не музейный экспонат. Если есть возможность, то надо обогащать ее чем-то своим. Надо сделать все, чтобы старинная мелодия с весьма устаревшим порой содержанием, вполне поддающимся переработке, зажила новой, самостоятельной, современной жизнью. А то получается, что у нас — я уже не говорю за рубежом — знают только «Калинку» или «Степь да степь кругом»... Есть песни не менее прекрасные. Есть несметное количество песен, но их не знают.

Пятницкого поразила и вдохновила встреча с В. И. Лениным, обещавшим всяческую помощь хору и сдержавшим свое слово. Когда Владимир Ильич умер, Пятницкий сказал на траурном собрании: «Для меня лично не стало большого друга народной песни. Крылья мои беспомощно опустились. Не знаю, кто теперь поможет хору». Тогда Пятницкому ответил рабочий. Он сказал, что Ленин оставил верных учеников: «...Они помогут и вам, товарищ Пятницкий»... И вот слава о хоре пошла уже по всей стране. В 1936 году хор стал профессиональным коллективом, им руководили П. М. Казьмин и замечательный композитор-песенник В. Г. Захаров. Концертная деятельность хора стала широкой, настала пора обогащать искусство песни плясками, инструментальной музыкой.

В. С. ЛЕВАШОВ. На мой взгляд, русский народный хор является синтезом танца и песни. Сама природа русской песни заключает в себе танцевальный элемент. Именно поэтому мы работаем над нашими новыми песенными программами в теснейшем контакте с танцевальной группой, с крупным мастером хореографии, народной артисткой СССР Т. А. Устиновой. Сейчас, когда мы говорим «русский народный хор», мы, естественно, подразумеваем и танец, и пение, и музыку.

В оркестре много народных инструментов — самых «первобытных»: жалейка, брелка, рожок, свирель пастушечья. Гармошки: саратовская, черепашка, ливенка... Ввели флейту. Более того, буду, очевидно, вводить электроорган. Но только так, чтобы он не звучал инородным телом. И это закономерный процесс. Вся жизнь, весь путь хора имени Пятницкого свидетельствуют, что музыка, искусство не памятник, а живое действие, которое должно проникать в сердце, глаза, уши. При этом, пользуясь самыми современными средствами, мы сохраняем дух народа — характер русский, язык русский, мелос русский, полифонию русскую... Это главное, а не то, на каких именно инструментах мы играем! Захаров уже сам сверлил в древнем рожке новые дырочки, чтобы можно было взять не одну, а несколько нот...

Дальнейшее существование хора — по сей день — это концерты, гастроли, поездки, неизменный успех у слушателей, разные поколения исполнителей, новые программы. И, конечно, новые трудности и заботы.

В. С. ЛЕВАШОВ. Заботы наши касаются дальнейшего повышения профессионального уровня солистов, танцоров, музыкантов, смены поколений в коллективе. Мы создали детскую студию при хоре, где растим резерв и себе и другим ансамблям. Эти заботы для нас главные. Но возникают и затруднения иного порядка — следствие недальновидности некоторых наших оппонентов, приверженцев того или иного отношения к фольклору, о коих я уже упоминал. Вот пример. Есть «специалисты», считающие, что существует единственная правильная манера пения, скажем, «северная» — и иначе петь никто не должен и не имеет права... Да, конечно, спору нет — северная манера существует, но для Севера. Я не буду в Сибири утверждать, что надо петь так, как поют в Воронеже. В северном хоре нет мужских голосов, там поют «пиано». Так исторически сложилось, что когда поморы уходили в море, им не до песен было: шторм идет, буря ревет, да разве он будет петь — нет, он в это время тащит рыбину из Белого моря, спасает свою жизнь. А женщины сидели в избах и пели тихо: к чему в избах кричать? Отсюда эта певческая манера. У нас в России, на Смоленщине или Рязанщине, мужики и бабы выходили на улицу и горланили песни так, что на другом конце села было слышно. Вот откуда появилась наша громкая, «подмосковная» манера. И все это надо знать.

Это все жизнь песни, жизнь народа.

Или вдруг возникают знатоки, недовольные нашими костюмами. Как-то пришел один художник и заявил, что на мужскую рубаху надо тратить материи метров двадцать. Я удивился... Одну рубаху все-таки сшили: вся из складок. Откуда сие? Оказалось, это старательская рубаха! Золотоискатель, желая продемонстрировать, что он удачлив, приходил в лавку, намывши золота, бросал мешок на прилавок и требовал сатину двадцать метров, делали ему рубаху, и все уже знали: золота намыл много, ишь как оделся!..

Но это все, я полагаю, не по злому умыслу, а просто от безграмотности путаников...

* * *

— Каким же все-таки вы видите будущее вашего коллектива?

— Прекрасным,— улыбается Валентин Сергеевич.— Одно останется неизменным — вечный поиск. Не могу сказать, что мы будем практиковать только крупные формы, композиции или только песни и только одного диалекта. Все будет: и то, и другое, и третье... Сейчас я собираюсь делать программу «Популярные русские народные песни», а потом — большую композицию, а может, и целую программу «Хлеб»...

Хор имени Пятницкого первым начал торить дорожку на целине народного творчества. А впереди — все та же целина, все те же просторы.

Поет и танцует хор имени Пятницкого.
Фото А. Невежина

РСФСР
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БССР

КССР
КССР

ОКТЯБРЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

LTSR

РССМ

LATVIJAS
PSR

КЫРГЫЗ
ССР

Eesti NSV

ВСТРЕЧАЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Великий Октябрь открыл новый счет времени. Прожит еще один год, полный трудов, свершений, озаренных светом Октября. Для советского народа, для державы нашей, ее друзей на всех континентах это был год особенный — год XXV съезда партии.

С трибуны съезда Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев напомнил, что скоро «будет отмечаться шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Шесть десятилетий — это меньше, чем средняя продолжительность жизни человека. Но за это время наша страна прошла путь, равный столетиям».

Мы уже вышли на рубеж шестидесятого года.

Шестьдесят лет! Теперь советские люди, оглядываясь на взятые перевалы, выигранные сражения, часто перестают сравнивать достигнутое с тем, что было в общем-то недавно и в то же время с позиции наших успехов уже давно — до Октября семнадцатого. Давайте и мы, читатель, в год шестидесятилетия обратим свою память к поре, совсем близкой нашим современникам. Вспомним, как мы дружной, братской семьей советских народов торжественно отметили полувековой юбилей Страны Советов. Взгляни, читатель, на красочную страницу, лежащую слева от этих строк: на ней обложка праздничного номера «Огонька», вышедшего в ноябрьские дни 1967 года. Ему предшествовали пятнадцать специальных номеров журнала, посвященных тем высотам, что достигли пятнадцать равноправных республик к пятидесятилетию Советского государства.

Прошло десять лет. Вернемся в дома людей, в цеха заводов и фабрик, на поля колхозов и совхозов, в города и села, на площадки строек, в лаборатории научных институтов, аудитории вузов и классы школ, о которых «Огонек» писал десять лет назад. В 1977 году журнал выступит с очерками, репортажами, фотоочерками, с цветными вкладками, с рассказами о свершенном за минувшие десять лет на землях братских республик: какие перемены произошли в судьбах людей, каковы их дела, согретые жаром души патриотов Отчизны, чем обогатился духовный мир строителей коммунизма, какие новые грани их образа жизни засверкали за эти годы, каковы замыслы, надежды, заботы сынов и дочерей всех наций и народов Страны Советов! Мы приглашаем читателей «Огонька» принять участие в рассказе обо всем этом, мы приглашаем вас вместе с нашими корреспондентами заглянуть в места, о которых шел репортаж в «Огоньке» 1967 года, пойти и по старым адресам и по новым — сколько их, новых адресов великих дел, появилось за минувшие десять лет! Расскажите о новом в жизни вашей республики, ваших городов и сел, заводов, колхозов, совхозов, в вашей личной жизни.

Пишите нам, подскажите темы для репортажей и фотоочерков. Мы просим помечать эти письма рубрикой: «По старым и новым адресам».

Заранее благодарим вас, дорогие читатели!

БОРИС

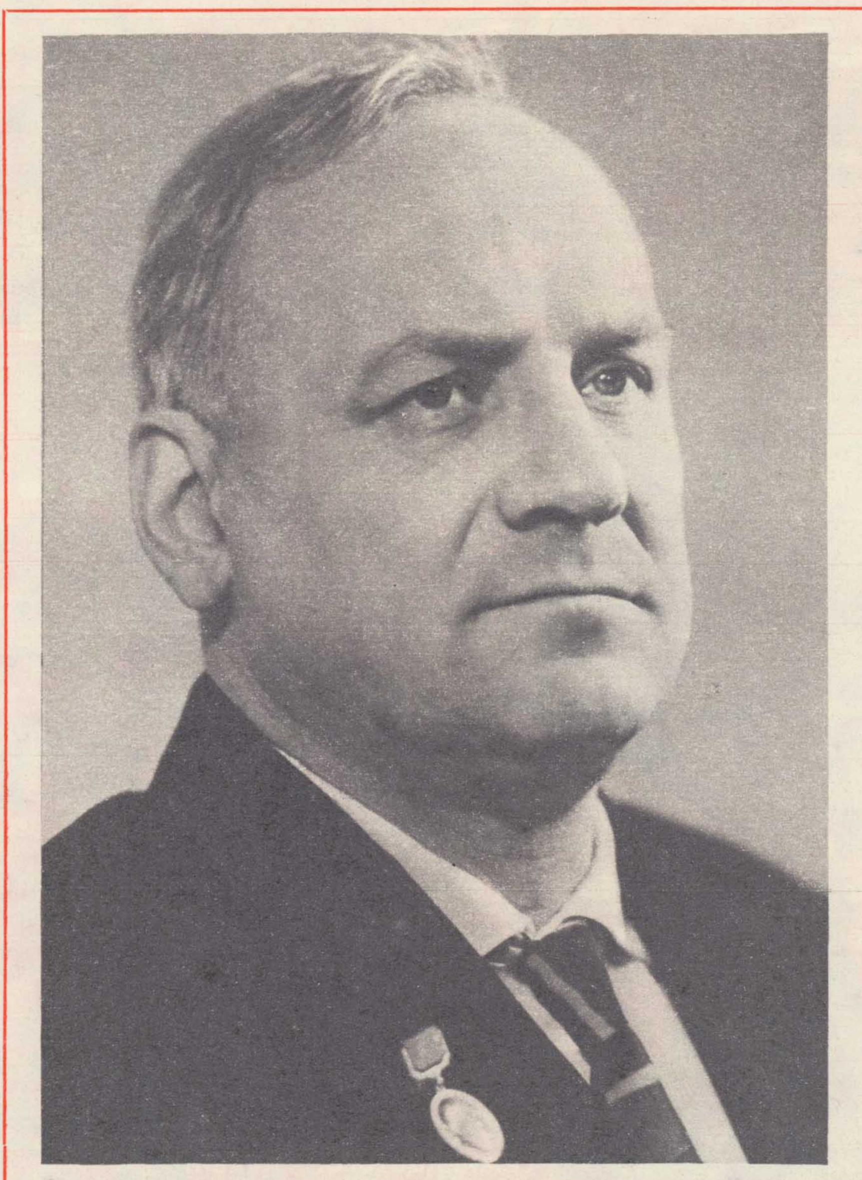

Фото И. Александрова

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный
деятель искусств РСФСР

Вы спрашиваете, долго ли я готовился к роли Владимира Ильича Ленина? — Повторив вопрос, Борис Александрович Смирнов задумывается, некоторое время молчит, потом, улыбаясь, отвечает: — За несколько лет до встречи с образом Ленина я сыграл в кинофильме «Композитор Глинка» центральную роль. Так вот, Глинку в фильме спрашивают: как долго он работал над «Русланом и Людмилой» — своим вершинным созданием, а он отвечает: всю жизнь. Так же скажу и я: вся моя жизнь в искусстве была подготовкой к встрече с образом Владимира Ильича. Это вовсе не значит, что я когда-то ранее предполагал, что мне предстоит сыграть в театре и кино роль величайшего из людей, сознательно готовился к ней. Более того, когда руководство Московского Художественного театра пригласило меня в свою труппу именно на роль Ленина, я поначалу испугался, хотел отказаться... Трудно было даже представить себе, как я приступлю к работе над этой ролью, справлюсь с огромностью встававших передо мной задач... Но вряд ли сыграл бы я эту роль сколько-нибудь правдиво и убедительно без всего того, что было сыграно мною ранее, без жизни и работы в блокадном Ленинграде, труднейшего периода эвакуации в годы войны с фашизмом...

Окидывая мысленно взглядом репертуарный список Смирнова почти за полвека жизни в искусстве, первое, на что обращаешь внимание, так это на тяготение актера к характерам крупным, масштабным, словно бы воплощающим в себе самую идею Человека. Один из значительных сценических образов Смирнова, созданных им еще в довоенные годы, — Павка Корчагин в инсценировке романа Николая Островского «Как закалялась сталь». По словам актера, главным его стремлением было не только создать живой, конкретный, объемный человеческий характер, но и передать его движение. Иными словами, раскрыть самый процесс того, как в революции, гражданской войне, строительстве социализма закалялась сталь большевистского характера. По мере развития действия образ литературного героя в воплощении Смирнова все больше и больше обретал черты самого Николая Островского. Автор и его герой в спектакле Ленинградского театра имени Ленсовета как бы сливались воедино.

Играя Павку Корчагина, Смирнов раскрывал борьбу человеческого духа с теми неимоверными страданиями, которые приносила болезнь. Он наделял своего героя пылкостью и страстностью. Образ трагедийный был пронизан духом жизнелюбия, жизнеутверждения. Слова «комсомол», «партия», «родина» были для Павки — Смирнова глубоко личными, выстраданными. Шаг за шагом на протяжении спектакля артист приводил малограмотного парня-кочегара к огромному идейному и душевному возмужанию, раскрывая жизнь Корчагина как подвиг писателя и бойца. Именно органическая идейная убежденность, сила воли позволяли герою Смирнова преодолевать страдания и боль.

«Основная заслуга исполнителя этой роли, артиста Смирнова, — писала ленинградская газета «Смена», — заключается в том, что он своим художественным чутьем угадал — каким именно живет Корчагин в сознании тысяч людей, и воплотил этот образ в своей игре. Таким простым, правдивым и пламенным получился в спектакле образ Корчагина, что победа театра становится в первую очередь победой Смирнова. Этот образ прочно становится в ряд лучших образов наших людей, показанных советским театром».

Играя Павку, Смирнов отчетливо понимал, что этот образ означал для него, для его творческой биографии. «Ролей в театре сыграно немало, — тогда же говорил он. — Но, пожалуй, лишь роль Павла Корчагина по-настоящему показала мне всю силу воздействия сценического образа не только на зрителя, но и на самого актера. Слепой Павел Корчагин может сделать во многом более зрячим исполнителя, подобно тому, как Николай Островский романом «Как закалялась сталь» открыл и открывает глаза на мир, на жизнь сотням тысяч юношей и девушек».

Если двадцать лет спустя роль Владимира Ильича Ленина привела Бориса Смирнова в коммунистическую партию (он подал заявление о вступлении в ряды КПСС сразу же, как начал играть эту роль), то в довоенные годы именно роль Павки, потребовав от актера политической целеустремленности и партийной убежденности, в очень сильной степени способствовала расширению его кругозора. Пройдет всего четыре с небольшим года после премьеры спектакля «Как закалялась сталь», и бойцы Ленинградского фронта, защищавшие родной город на самых ближних подступах к нему, будут при свете коптилок, в землянках и блиндажах с огромным волнением слушать по радио страстные монологи Павки—Смирнова, призывающие к защите революции. А артист будет читать эти монологи у микрофона при тусклом свете свечи, под взрывы бомб, сбрасываемых вражескими самолетами, которые шли, эшелон за эшелоном, на город Ленина.

Но не только монологи Корчагина вызывали волнение у людей в землянках и блиндажах. Их трогали и вдохновенные слова шекспировского Ромео, обращенные к возлюбленной:

> Мне кажется, что я услышал голос
> Моей души!.. Как серебристо нежен
> Язык любви, раздавшийся внезапно,
> Как музыка в безмолвии ночном!

Они и в самом деле звучали для бойцов, эти слова, как музыка в безмолвии ночном, напоминали о высоких и прекрасных человеческих чувствах, славили жизнь, утверждали неизбежность ее победы над смертью. Эти слова как бы возвращали бойцов в довоенный Ленинград, где на сцене Театра имени Ленсовета с огромной искренностью и эмоциональной силой Смирнов играл роли шекспировских героев: Ромео, Гамлета, Отелло, Лаэрта, Кассио...

Именно в ту предвоенную пору довелось и мне впервые увидеть на сцене Бориса Смирнова, познакомиться с ним. Шел смотр колхозно-совхозных театров Ленинградской области. Я участвовал в работе жюри, а Смирнов был одним из тех мастеров ленинградской сцены, кто безвозмездно и

СМИРНОВ

самоотверженно отдавал свое время и свой талант общественному долгу.

По сию пору помню я спектакль «Гамлет». Покатый планшет сцены. Золотой гобелен. И одинокая фигура юноши в белой рубашке и черном плаще... Это Гамлет — Смирнов. Артист играл Гамлета не просто сильным или просто слабым, а стремился создать образ многогранный. Образ не только мыслителя, философа, но и человека пламенного сердца, сильной воли, активного действия.

Критика писала тогда, что Гамлет Смирнова «привычен», «напоминает многих знаменитых русских Гамлетов». Вряд ли можно было это принять за упрек, если речь шла о традиции, берущей свое начало от гениального Мочалова, согласно которой «Гамлета играли пламенным и пылким, бурным, молодым и прекрасным». Таким он и сохранился в моих воспоминаниях, Гамлет — Смирнов. В канун Великой Отечественной войны актер выдвигал в образе на первый план демократизм и гуманизм героя...

Работа над шекспировскими ролями стала для молодого актера школой мужества, овладения могучими страстями. В его Ромео не было и тени жеманности — настоящий уличный итальянский парень. Как когда-то Михаила Царева критика упрекала в некоторой «комсомолистости» Чацкого, так в этом же упрекали и Ромео Смирнова... Его Ромео был талантлив, пылок и жизнелюбив. Можно сказать, что, играя эту роль, актер исследовал и утверждал самое прекрасное на земле чувство — любовь. Так же, как Павка Корчагин, он мужал на глазах зрителей, этот Ромео; чистота сочеталась в нем с энергичностью, яростность — со сдержанностью. Нравственное, очищающее и облагораживающее воздействие Ромео — Смирнова на молодого зрителя было огромным.

Как непревзойденный образец новаторского подхода к Шекспиру вошел в историю советского театра прекрасный в своей величественности и благородстве образ Отелло, созданный на сцене Малого театра Александром Остужевым. Борис Смирнов сыграл Отелло за несколько лет до Остужева, и поиски его шли в том же направлении. И он играл трагедию не ревности, а доверия, трактуя образ Отелло как крупную человеческую личность, талантливого полководца. Такого Отелло было вовсе не просто побороть и погубить; актер создавал образ человека-красавца, фигуру романтическую и поэтическую...

Шекспир и Николай Островский — вот две главные художественные величины, определявшие становление Смирнова-художника в предвоенную пору. Работа Театра имени Ленсовета в то время во многом носила студийный характер. К ней привлекались такие выдающиеся художники, как С. Прокофьев и В. Дмитриев, крупнейшие ленинградские шекспироведы. А потом в нашу жизнь ворвалась война. Месяцы блокады. Скитания в эвакуации. Встречи с новыми образами. Смирнов играет Огнева в пьесе «Фронт» А. Корнейчука, Ермолова в пьесе К. Симонова «Жди меня»... Но, пожалуй, самый примечательный образ, связанный с войной, он создает уже в послевоенные годы на сцене ленинградского Театра комедии — образ старшины Казакова в пьесе В. Масса и М. Червинского «О друзьях-товарищах».

Б. Смирнов открывался в этом спектакле в новом качестве — характерного актера. Пьеса и спектакль утверждали идею воинского братства как нравственного закона, действующего и в мирных, послевоенных условиях. Превратившийся после войны из старшины в директора большой сибирской МТС, Григорий Иванович Казаков Смирнова словно бы олицетворял собой эту идею. Именно благодаря его вмешательству и влиянию на бывших однополчан, потерявших было друг друга в московской сутолоке, вновь возвращалось чувство ответственности за товарища.

Благодаря тому громадному нравственному заряду, который вносил Смирнов, не очень глубокая пьеса обретала на сцене театра иные масштабы. Смирнов в этой роли был далек от добродушного комедийного дядюшки, завсегдатая просцениумов. Он играл человека тонкого, умного, доброго, буквально одержимого идеей верности и бескорыстия в солдатской дружбе. Актер создавал характер подлинно народный, поэтический, где юмор органически сплавлен с лирикой.

Если Казаков образ комедийный, то обе последующие роли — Глинка в кино и чеховский Иванов на сцене Московского театра имени А. С. Пушкина — роли драматические, к тому же оба героя отделены от нас грядою многих десятилетий. И все же при всей несхожести Глинки и Иванова с Казаковым, да и друг с другом, есть нечто такое, что объединяет их между собой, более того, роднит со всеми предшествующими созданиями Смирнова. Это одержимость. Глинка одержим музыкой — русской, национальной. Музыка — его душа, содержание жизни. Иванов одержим нравственным поиском ответов на мучающие его вопросы... Смирнов играл не обывателя, не сторонника мелких дел, а показывал характер значительный, масштабный, однако же не выдерживающий единоборства с тусклой и пошлой действительностью.

Кто из зрителей фильма «Композитор Глинка» не помнит сцены рождения увертюры к опере «Руслан и Людмила»... Лежа на диване, Глинка держит в руках чистый лист нотной бумаги и выстукивает ритм, раздумывая. Ритмичные удары пальцев рождают музыкальное эхо. Композитор вслушивается, проверяя свой замысел, затем вскакивает, бежит к инструменту, играет первую фразу увертюры, словно бы испугавшись громадности того, что рождается, снимает пальцы с клавишей, а музыка уже звучит сама по себе, разрастаясь в оркестре...

Надо ли говорить, какого огромного труда потребовало от актера овладение музыкальной стороной образа гениального композитора... Как-то в одной из статей я прочитал, что, мол, то, что требовало в свое время огромного труда от Качалова и Леонидова, сегодняшнему молодому актеру (было названо одно модное благодаря кино и телевидению имя) дается с налета. Смирнов не верит в это; вся его жизнь в искусстве — огромный, непрекращающийся труд. Сравнительно легко можно достичь органики, свободы своего пребывания на сцене, но ведь это только самое начало пути к образу. Путь этот у настоящего художника всегда долог и многотруден.

И вот так — трудно и сложно — рождался и образ Иванова. Считая «Иванова» самой трагической пьесой Чехова, Смирнов и здесь укрупнял образ героя. Главным он делал не личную тему, не поиски собственного счастья, а тему поисков ответа на вопросы, стоявшие перед обществом. Актер романтизировал героя, подчеркивая его душевную тонкость, ранимость, интеллигентность. И одновременно он казнил его.

Главной проблемой сценического образа Иванова, созданного Б. Смирновым, была проблема мировоззрения. Иванов, не зная выхода из создавшегося положения, сам презирал себя: его слова в последнем акте, что над ним, когда он ехал к невесте, смеялись и деревья и птицы, актер насыщал глубочайшей горечью, отчаянием. Выстрел Иванова в финале трактован Смирновым как акт сильного человека. Это его суд над собой, вынесение себе — такому, каким он стал,— высшей меры наказания...

На многолетнем пути актера были разные, подчас едва ли не полярные роли, как, скажем, выдающийся ученый-палеонтолог Ковалевский из пьесы братьев Тур «Софья Ковалевская» и Гоголь из одноименной пьесы С. Алешина, но в каждой из них Смирнов неизменно раскрывал тему Человека, его духовные, нравственные истоки...

Прошло двадцать лет со дня первого исполнения Смирновым роли Ленина в спектакле Московского Художественного театра «Кремлевские куранты» Н. Погодина. За эти годы роль Ленина сыграна актером в пьесах «Третья патетическая» Н. Погодина и «Шестое июля» М. Шатрова, в фильмах «Аппассионата», «Коммунист», «Именем революции».

Двадцать лет творческой жизни в образе Владимира Ильича — это подлинный подвиг художника. Каждый раз актер приносит на сцену живое дыхание дня — каждый раз роль играется как бы впервые...

— Сохранять чувства свежими,— говорит Борис Смирнов,— переживать их из вечера в вечер в течение месяцев, не подменяя заученными жестами и интонациями,— трудная и даже подчас мучительная задача для актера.

Тем более трудная и ответственная, когда речь идет об образе Ленина. Ключ к нему для артиста — в словах об Ильиче, сказанных Горькому сормовским рабочим: прост, как правда. Образ Ленина у Смирнова — сплав величайшей простоты, глубочайшего интеллекта и пламенной страсти. Глубина и страстность мысли Ильича — вот что стремится актер нести со сцены и экрана. Ему не довелось репетировать роль Ленина с Вл. И. Немировичем-Данченко, но слова великого мастера сцены о пламенности образа Ильича стали путеводной нитью при работе над образом.

Дни ленинских спектаклей — особые в жизни актера. С самого утра он погружается в ленинские работы, впитывая ленинский стиль мышления, его неотразимую логику. Изучение ленинских работ Борис Александрович начал с речей Ленина перед рабочими.

— Ленин,— говорит артист,— удивительно чувствовал аудиторию. Он не подлаживался под нее, а искал токи живого общения с ней. Владимир Ильич никогда не стремился к эффектности речи, не ораторствовал... Работая над образом Ленина, я стремился овладеть его жестами, грассированием, движениями настолько, чтобы сделать их для себя органичными, чтобы зритель даже не задавал себе вопроса: похоже или не похоже?

Изучение характера изнутри, проникновение в духовный мир гения — самый трудный, но и самый увлекательный путь для актера. Каждый исполнитель,— считает Смирнов,— должен привнести в работу над ролью и свое личное, глубоко индивидуальное восприятие ленинского характера.

Именно так создавали образ Ленина зачинатели сценической и кинематографической Ленинианы — Борис Васильевич Щукин и Максим Максимович Штраух. Так продолжает ее художник, принявший от них эстафету и с честью несущий ее,— народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Борис Смирнов.

Хоккей-М

Валерий ХАРЛАМОВ

СЛОВО О ТРЕНЕРЕ

Я убежден, что хоккеист — и как спортсмен и как личность — представляет собой некую равнодействующую тех влияний, что оказывали на него тренеры. И если вы внимательно приглядитесь к игре Александра Мальцева, Владимира Шадрина или Бориса Михайлова, то сможете обнаружить плоды труда многих тренеров.

Что же это за человек — тренер? Каким он должен быть?

На эти вопросы одним словом не ответишь. Тренер должен быть и специалистом, и администратором, и тактиком, и педагогом, и психологом, и философом. Тренер един во многих лицах, это человек многих знаний, очень объемных знаний. Работать с людьми намного сложнее, чем с машинами. Этим я и объясняю, что теперь спортивные команды и в хоккее, и в футболе, и в баскетболе возглавляют два, а то и три тренера.

У каждого спортивного педагога, как и у каждого человека, есть свои сильные и слабые стороны. Но у тренера они более обнажены, чем у человека любой другой профессии. Тренер, как и учитель, сдает экзамены каждый день, а не только в дни чемпионата страны или Олимпийских игр.

О тренере чаще всего судят по очкам, набранным его командой. Много побед — хорош тренер, мало — плох. Потому и называют матч или чемпионат его экзаменом. Но тренер — это и педагог. Он ежедневно, а не только в дни матчей общается со своими воспитанниками. Он каждый день перед их глазами, рядом с ними. Потому я и говорю о каждодневном испытании.

Мне повезло, я работал со многими выдающимися специалистами и педагогами, внимательно к ним присматривался и прислушивался, и все-таки я не рискую утверждать, что все тренеры должны быть такими, как, например, Анатолий Владимирович Тарасов или Борис Павлович Кулагин, Константин Борисович Локтев или Аркадий Иванович Чернышев. Да и как скучно было бы жить, если бы все тренеры стали походить один на другого! На наше счастье, тренеры разные, и потому и отличаются друг от друга команды, потому и исповедуют они разные стили игры.

Команда — это более или менее удачное воплощение в жизнь замысла тренера, и у каждого хоккейного педагога та команда, которую он заслуживает.

В силу разных причин положение тренера в хоккее более стабильно, нежели в футболе. Наши ведущие хоккейные специалисты имели возможность работать в своих клубах по десятку, а то и более лет, а Аркадий Иванович Чернышев бессменно возглавлял столичное «Динамо» около четверти века. На протяжении многих лет трудно было представить себе ЦСКА без Анатолия Владимировича Тарасова, воскресенский «Химик» — без Николая Семеновича Эпштейна, а рижское «Динамо» — без Виктора Васильевича Тихонова.

Тренеры определяют лицо своих команд, их игровой почерк, и, когда уходит спортивный наставник, игра команды меняется. Иногда постепенно, а иногда сразу.

В 1972 году чемпионат мира впервые проводился отдельно от Олимпийских игр. Я говорил уже, что на Белой Олимпиаде в Саппоро в сборной СССР Борис Михайлов и Владимир Петров выступали вместе с Юрием Блиновым, а я играл в составе так называемой системы. Сыграли мы в Саппоро как будто неплохо. Завоевали олимпийское золото, и вдруг Чернышев и Тарасов, которые руководили сборной бессменно с 1963 года, подали заявление об отставке. Мы были огорчены, потрясены. Как же так? Сборная команда под их началом выиграла подряд три Олимпиады и девять чемпионатов мира, а они уходят. Казалось, что это невозможно! Но отставка их была принята, и сборную возглавили Всеволод Михайлович Бобров и Николай Георгиевич Пучков. И вот эта-то смена убедительно показала, как велика роль тренеров в команде.

Мой партнер по матчам в Саппоро Анатолий Фирсов на первенство мира в Прагу не поехал: тренеры решили не включать его в состав сборной. Вместо Фирсова играл Александр Мальцев, а Цыганков стал выступать не как полузащитник, регулярно подключающийся к атаке, а как защитник. Саша Мальцев намного моложе Анатолия Фирсова, в его игре было больше страсти, азарта, но у него в ту пору было меньше игровой практики, опыта, умения разобраться в происходящем. Фирсов играл оттянутым нападающим, вторым хавбеком, а Мальцева неудержимо тянуло вперед, ему хотелось забивать голы, играть на острие атаки — ведь он прирожденный нападающий. И потому кому-то из нас — то Викулову, то мне — приходилось оставаться вместо Саши сзади, помогать своим защитникам. Саша получил приз лучшего нападающего чемпионата мира. Викулов стал самым результативным нападающим, а, в общем, слаженной игры не было, хотя нельзя сказать, что мы обижались друг на друга или мало помогали друг другу. Но то ли мы излишне старательно играли друг на друга, то ли, наоборот, каждый из нас проявлял ненужную инициативу и брал всю игру на себя — до сих пор точно сказать не могу, — но сыграли мы в Праге не так, как могли бы. Да и в обороне действовали неважно. Резкая смена тренеров не могла не отразиться на нашей игре, а времени сыграться у нас не было.

Но, кроме стилевых различий в почерке того или иного тренера, есть у них всех и общая черта — единое понимание хоккея: ведь школа игры у них общая — советская. И это помогло нам вскоре найти общий язык с новым тренером сборной Бобровым...

Я начал учиться у больших тренеров еще до того, как меня включили в сборную страны, и потому получил немалое преимущество перед многими моими товарищами. Мальчишкой попал я в ЦСКА, а там с нами возились не только те тренеры, что прямо отвечали за детские команды, но и их более опытные коллеги, работающие с мастерами. Они опекали юных спортсменов, контролировали их учебу, и мы росли быстро.

Моим первым наставником был Виталий Георгиевич Ерфилов. Про таких говорят, что они обладают хорошим глазом. Володя Лутченко, Владислав Третьяк, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Юрий Лебедев — все они прошли через руки Виталия Георгиевича. Заботливый, душевный человек, он мог прийти ко мне домой, если я пропустил тренировку, чтобы узнать, не заболел ли я. Он постоянно интересовался нашими отметками, взаимоотношениями со школой и учителями. Интересовался тренер и отношением родителей к хоккею, расспрашивал их, как мы ведем себя дома, помогаем ли по хозяйству, не отказываемся ли помочь, ссылаясь на занятость. И мы относились к Виталию Георгиевичу, как к одному из членов семьи.

Решение судьи — закон.

Многим обязан я Борису Павловичу Кулагину. Именно он угадал во мне задатки хоккеиста. Это он посоветовал Анатолию Владимировичу Тарасову отозвать меня из армейской команды. И научил меня Кулагин многому и, главное, исподволь привил трудолюбие, способность переносить тяжелейшие нагрузки, без которых немыслим сегодняшний хоккей.

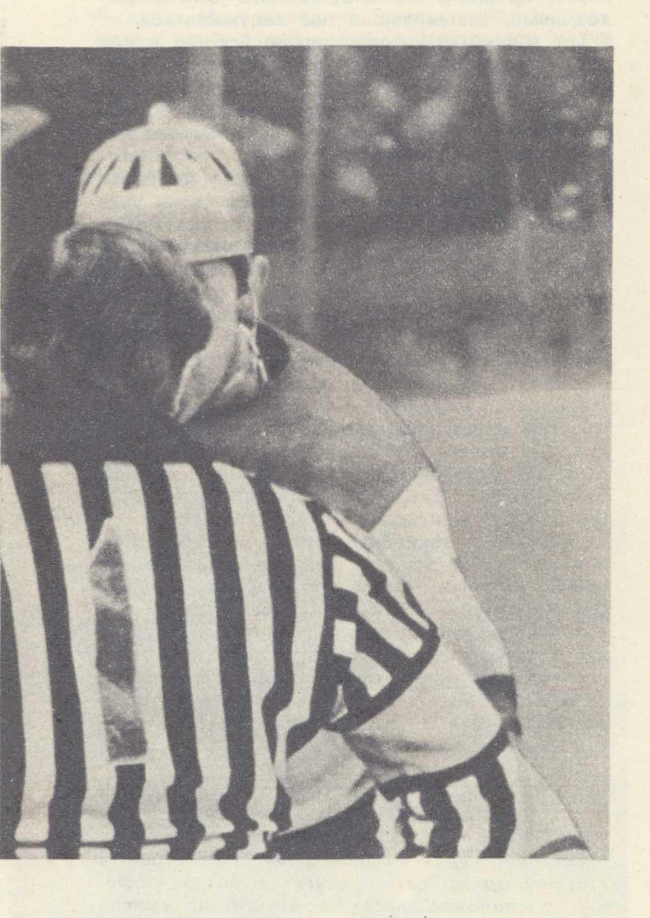
В детстве я считал, что хоккей — это вечный праздник, но когда подрос, когда стал тренироваться в армейском клубе, то увидел игру совершенно иной. Я понял, что тренировка — это большой труд, я понял, что хоккей — это не только сбор урожая, но и уход за будущим урожаем.

Фигурист Александр Зайцев как-то мне рассказывал, что к Ирине Родниной и к нему обращаются девочки и мальчики с письмами,

Окончание. См. №№ 42, 43, 44.

оя стихия

проникнутыми восторгом и легкой завистью. Жизнь, мол, у вас — праздник: сверкающий лед, цветы, овации, переполненные стадионы, путешествия в разные страны. И сколько бы Зайцев ни напоминал, что выступление фигуристов длится всего пять минут, а подготовка к этому выступлению — месяцы и годы, юные поклонники спорта почему-то этому не верят. Не верил рассказам о громадных нагрузках большого спорта и я, думал — запугивают, но вот в команде ЦСКА осмотрелся, поговорил с тренерами и понял, что знал хоккей лишь понаслышке. Хоккей не терпит лентяев, хвастунишек, говорунов, и это Борис Павлович Кулагин объяснил мне без лишних предисловий.

Только любовь к хоккею, беззаветная, безоговорочная, может тебе помочь. Если нет у тебя трудолюбия, забудь о клюшке.

— Если ты плохо поработал на тренировке,— втолковывал мне Кулагин,— это не просто прогул, а шаг назад. Тренировка должна тебе давать больше, чем сама игра. Играя вполсилы, команда иногда добивается победы, а в тренировке всегда надо действовать в полную силу, не жалея себя.

Борис Павлович умеет подойти к каждому игроку, он тонко учитывает особенности характера спортсмена, и самый убедительный пример его педагогического мастерства — история взлета команды «Крылья Советов».

Когда после демобилизации Борис Павлович принял «Крылышки», команда играла ни шатко ни валко, на медали не рассчитывала, но и высшую лигу не покидала. И вот началось обновление коллектива. Один за другим появлялись в «Крылышках» новые игроки. Что же это были за хоккеисты? Многие считали, пытаясь объяснить победу «Крылышек» на чемпионате страны, что Кулагину удалось привлечь игроков посильнее армейских. Это не так. Хоккеистов Кулагин действительно подобрал приличных, но никак не выдающихся. Не было среди них мастеров масштаба Якушева или Лутченко, Мальцева или Гусева, но чемпионами они все-таки стали. Стали благодаря настойчивости, педагогическому искусству Бориса Павловича. Он собрал игроков, от которых по тем или иным соображениям отказались другие клубы, собрал «безнадежных», «неперспективных» и нашел ключ к сердцам двух десятков хоккеистов. Сумел доказать им, что у них большое будущее, и ребята поверили в себя, поверили в свое право стать сильными, поверили, что могут играть не хуже, чем хоккеисты сборной, и сами могут попасть в сборную.

Умение Бориса Павловича объяснить хоккеисту, что к чему, я почувствовал особенно хорошо осенью 1972 года. Проводилась первая серия игр советских хоккеистов со сборной НХЛ. Четыре матча сыграли мы в Канаде, четыре должны были провести в Москве. Нашу команду возглавляли Всеволод Михайлович Бобров и Борис Павлович Кулагин. Моими партнерами были Владимир Викулов и Александр Мальцев — о лучших товарищах и мечтать было трудно, но игра не ладилась. В Канаде мы выиграли два матча, один проиграли, и в одном была зафиксирована ничья. В Москве мы начали с победы, а во втором поединке уступили сопернику. В этой игре я получил травму и в третьей встрече не участвовал (вместо меня с Мальцевым и Викуловым играл Евгений Мишаков), и канадцы выиграли матч и по числу побед сравнялись с советской командой.

К последнему, решающему матчу я поправиться не успел и совсем было примирился с этим, как вдруг приходит ко мне Борис Павлович Кулагин. Начал он издалека. Рассказал о травмах, которые преследовали его, когда он еще выступал на хоккейной площадке, а потом неожиданно спросил:

— Как ты думаешь, повысится у спартаковцев настроение, если они узнают, что по какой-то причине не будут играть против них Харламов или Третьяк?

— Конечно,— сказал я, еще не понимая, куда клонит Борис Павлович.

— Вот-вот,— обрадовался он.— Значит, ты согласен, что отсутствие лидеров команды — это своеобразный допинг для канадцев?

Я, конечно, согласился. Как тут не согласиться: я ведь давно заметил, что если дадут тренеры передохнуть Владиславу Третьяку, то наши соперники начинают играть с тройным усердием и тройной старательностью: раз нет Третьяка, значит, у ЦСКА можно выиграть.

— Так вот, не будем давать этого допинга канадцам,— заключил Кулагин.— Они тебя знают и опасаются больше, чем других. Потому и нужно, чтобы ты вышел на последний матч. Сыграешь вполсилы, и то будет хорошо. Осторожненько катайся, на столкновения не иди... Пойми мое положение, сегодня нужно твое имя...

И я вышел на последний матч с канадцами.

Тот давний разговор с Борисом Павловичем я вспомнил спустя четыре года, когда наша сборная, возглавляемая Кулагиным, отправилась в Катовице на чемпионат мира по хоккею. В команде не было ни Владимира Петрова, ни Александра Гусева — хоккеистов, которых основательно побаиваются наши соперники, и угадать мысли и настроение тренера мне было нетрудно...

Но вернемся к моей молодости, к урокам того тренера, сотрудничать с которым мечтал каждый хоккеист,— к урокам Анатолия Владимировича Тарасова.

Анатолий Владимирович Тарасов требователен во всем, что так или иначе связано с хоккеем, и потому любое отклонение от правил, норм, традиций армейского клуба, любая, как он считает, измена хоккею строго наказываются. И если во время тренировки хоккеист (не важно, новичок или семикратный чемпион мира!) позволит себе передышку, не предусмотренную тренером, то провинившемуся, даже если он трижды олимпийский чемпион, житья на тренировке уже не будет.

Однажды во время занятий у меня развязался шнурок ботинка, и я остановился, нагнулся, чтобы завязать его, а Тарасов, заметив, что я на несколько мгновений выключился из тренировки, тут же перешел на «вы», что являлось у него высшим признаком недовольства:

— Молодой человек, вы украли у хоккея десять секунд и знайте, что наверстать их вам не удастся.

Эпизод этот довольно показателен. Без труда я мог бы припомнить и дюжину других. Анатолий Владимирович дорожит каждой секундой тренировки и требует того же, как он однажды сказал, «святого отношения» к нашей любимой игре и от всех спортсменов.

Я попал к Тарасову, когда только начинал формироваться как мастер, играл и тренировался под его руководством многие годы и в ЦСКА и в сборной страны, и именно этот выдающийся тренер сыграл решающую роль в моей спортивной судьбе. На занятиях, которыми руководит Тарасов, никогда не бывает пустот, простоев. Он всегда полон идей, порой весьма неожиданных, полон новых замыслов, которые нужно проверить сегодня, сейчас же. Не бывает так, чтобы Анатолий Владимирович пришел на занятия без новых упражнений. Он еще до выхода на лед разъяснит нам новинку и обязательно проверит, приняли мы его идею, поняли ли, для чего она необходима.

Тарасова обуревали новые мысли и идеи и перед каждым матчем. С каждой командой Тарасов стремился играть по-разному. И если нам предстояли почти подряд два матча с главным нашим соперником — «Спартаком», то на каждую игру у него обязательно был продуман свой план действий.

По Тарасову, тактическая, игровая дисциплина — это непреложный закон, но в то же время от нас требовали творчества, импровизации.

Начинается матч. Все игроки еще под впечатлением напутствий тренера. Они играют строго в соответствии с предложенным планом, все идет как надо, и все-таки... Инициатива у нас, а счет не открыт. И вот звучит команда «Смена!». Усаживаемся на скамейку. На льду вместо нас другая тройка, а Тарасов встает со стула, подходит к нам, и мы слышим:

— Вы что, роботы? Вы же художники, артисты! Вы все знаете. Вносите в игру свои краски. Больше хитрости!

Его любимый вопрос был такой: чем ты обогатил свое задание? И совсем не просто было угадать грань между верностью истине и правом на домысел. Этому умению Анатолий Владимирович учил нас настойчиво, день за днем, сезон за сезоном, пока, наконец, хоккеист не осваивал искусство импровизации в рамках игрового задания.

Мы знали, что наш тренер не прощает трусости, лени, халатного отношения к игре. Если кто-то в пылу схватки «заведется», нарушит правила и попадет на скамью штрафников, то тренер не будет сердиться, но если кто-нибудь

из его учеников сыграет осторожно, трусливо, если кто-нибудь попросту испугается, уклонится от единоборства, а потом, маскируя свой промах, полезет драться, то ему достанется по первое число.

Анатолий Владимирович любил сравнивать хоккей с боем. Он считал, что в спорте действуют те же нравственные и психологические законы: каждый имеет право рассчитывать на помощь партнера, товарища, и никто не имеет права подвести друга. Не устоишь, не выдержишь напряжения схватки — образуется брешь, залатать которую в ходе боя трудно.

Максимализм знаменитого тренера не знал пределов. И этот максимализм не ограничивался бортами хоккейной площадки: вся жизнь, весь быт, утверждал Анатолий Владимирович, должны быть подчинены хоккею. Исключений из этого правила для настоящего мастера нет. И не может быть.

У меня не шел бросок. Бросал я хотя и неожиданно и точно, но не сильно, и тренер поставил передо мной задачу: когда в руках у меня нет клюшки, заменять ее теннисным мячом, сжимать и разжимать его, непрерывно вырабатывая силу рук. И я не расставался с теннисным мячом. Но однажды, торопясь в столовую, я забыл мячик, и Тарасов, тут же заметив, что мяча в руках у меня нет, строго спросил:

— А где мячик?

Я пытался объяснить, что иду обедать, но Анатолий Владимирович был непреклонен:

— Куда бы ты ни шел, мяч должен быть с тобой.

Заниматься с Тарасовым было интересно. Хотя и трудно. Очень трудно. Но усилия наши окупались сторицей. Многоопытный тренер замечал все, и это помогало спортсмену. Когда я был помоложе, Анатолий Владимирович буквально после каждого матча находил у меня недостатки, и я порой удивлялся. Ведь команда выиграла, и с крупным счетом, и наше звено набросало кучу шайб, — так в чем же дело? Но Тарасов утверждал, что я плохо маневрировал. Через два дня выяснялось, что маневр у меня стал получше, но я не использую смену ритма. А потом тренер обращал внимание на то, что я выдал всего лишь два точных паса.

Анатолий Владимирович неизменно подчеркивал мои сильные стороны, но не давал возможности примиряться со слабыми.

Перед каждым матчем он умело настраивал свою команду. Нас трудно было чем-нибудь удивить, и порой перед установкой на игру мы были настроены скептически: для чего лишние разговоры, мы и так все знаем? Знаем, чем силен «Спартак» и чем опасна сборная Чехословакии. И тем не менее Анатолий Владимирович нередко приводил нас в изумление, раскрывая ту или иную неведомую нам деталь, а то вдруг заводя разговор не о силе соперника, а о его слабости. А вот перед встречей с соперником слабым Анатолий Владимирович мог так расписать мощь и коварство хоккеистов «Сибири» или сборной Швейцарии, что у молодых игроков от волнения начинали предательски дрожать коленки.

Но если в пределах хоккейной площадки Анатолий Владимирович, безусловно, наивысший судья и авторитет для всех хоккеистов — и новичков и ветеранов,— то за ее пределами он не раз подвергался критике. Одни полагали, что Тарасов абсолютно прав во всех своих конфликтах с игроками — это, мол, такая публика, им только сделай поблажку, сразу на голову сядут. Другие же полагали, что от тренера требуется более сердечное отношение к игроку, умение прощать его маленькие слабости, а если не прощать, то хотя бы понимать, ведь фанатизм порой утомляет. С Анатолием Владимировичем всегда было и интересно и вместе с тем тяжело. С ним не расслабишься, не пошутишь. Чувствуешь себя все время скованным. И все разговоры в конечном счете сводятся к одному — хоккею. А иногда так хочется расслабиться, забыть о нем.

Иной человек — Аркадий Иванович Чернышов. Не знаю, кто это счастливо придумал соединить вместе столь диаметрально противоположных, столь невообразимо разных людей и тренеров. Вроде бы они должны безоговорочно исключать друг друга. А они поразительно удачно дополняли.

Я не берусь судить, как, каким путем приходили они к единому мнению о составе, который отправлялся в Любляну, Гренобль или Стокгольм. Я не знаю, что предшествовало той минуте, когда они объявляли план игры на предстоящий матч, когда высказывали нам замечания, давали советы. Знаю только одно: они выступали всегда единым фронтом.

Аркадий Иванович в отличие от Анатолия Владимировича отходчив, мягок, вежлив, неизменно спокоен — по крайней мере внешне. Он всегда сдержан и корректен. Чернышов умело успокоит хоккеистов, смягчит темпераментные, порой излишне резкие тирады своего коллеги, он весьма осмотрителен в выборе выражений и, кажется, никогда ничего не делает и не говорит, не взвесив предварительно все возможные «за» и «против».

Разумеется, я знаю Аркадия Ивановича значительно меньше, чем Анатолия Владимировича, он ведь работал с нами, армейцами, только в сборной, тогда как Тарасова мы видели изо дня в день. Аркадий Иванович всегда был внимателен к игрокам, жил их заботами, к нему всегда можно было прийти «излить душу», даже в тех случаях, когда причиной огорчения были дела вовсе и не хоккейные. Он нас выслушивал с видимым интересом и вниманием, а как важно чувствовать, что твои жалобы или сомнения не в тягость собеседнику, не отвлекают его от более важных дел!

Лейтмотив всего поведения Аркадия Ивановича в его отношениях с людьми был неизменен — спокойствие. Он как никто умел перед матчем искусно снимать неизбежное психологическое напряжение, вносить умиротворение в смятенные наши души. В 1969 году наша тройка дебютировала на чемпионате мира, сыграли мы, по общему мнению, успешно, но ошибок у нас было, конечно же, немало, и одна из них, моя личная, имела весьма печальные последствия. Матч второго круга между командами СССР и Чехословакии представлялся решающим для исхода всего турнира. В первом круге мы проиграли, но и чехословацкие хоккеисты, в свою очередь, уступили шведам. Наша же команда обыграла «Тре Крунур», и потому после первого круга все три сборные как по набранным, так и по потерянным очкам были в равном положении.

То был последний чемпионат, в котором принимала участие команда Канады. Заокеанские хоккеисты проиграли свои матчи первого круга всем трем сильнейшим европейским командам. Вот почему при равенстве положения всех лидеров матчи второго круга приобретали вдвойне важное значение. И вот поединок с чехословацкой сборной начался для нас неудачно. Мы пропустили две шайбы, затем ценой громадных усилий отквитали их, и счет стал ничейным (шайбы забросили я и Анатолий Фирсов), и в третьем периоде, когда до конца встречи оставалось всего 12 минут, мы пропустили третий гол. И виноват в этом был я. Получив шайбу, я, как говорят в таких случаях, «завелся» и потерял ее в нашей зоне, дав возможность защитнику Хорешовски вывести свою команду вперед. Мы рванулись отыгрываться, и спустя полторы минуты Ярослав Холик забросил четвертую шайбу. Сборная СССР потерпела поражение.

В нашей раздевалке после матча царила гнетущая тишина. Ужасная тишина. Никто из ребят не упрекал меня, кто-то даже, проходя, постучал клюшкой по моему щитку: не расстраивайся, мол, не убивайся, всякое случается. А я протирал коньки и думал о том, что из-за меня, из-за моей непростительной ошибки мы проиграли.

Как же мне было стыдно! Шесть раз подряд наши ребята возвращались с мировых чемпионатов победителями, и вот я помешал им в седьмой раз получить золотые медали. Было от чего заплакать. И я заплакал.

И тут же ко мне подошел Аркадий Иванович и абсолютно спокойно, вроде бы даже не утешая, сказал:

— Ну, знаешь ли... Если ты так близко к сердцу будешь принимать каждую неудачу, то тебя не хватит надолго.

Если бы Аркадий Иванович стал в ту минуту доказывать мне, что не все проиграно, не все потеряно, что есть еще кое-какие шансы, то я бы ему, конечно же, не поверил. А тут будничность его слов вдруг вселила в меня надежду. Подумаешь, ошибся. Возьму и в следующей игре покажу, на что способен.

Конечно, через несколько дней я понял, что Чернышев был страшно огорчен моей ошибкой, что он считал меня и вратаря Виктора Зингера виноватыми в поражении команды, но мне о моей вине перед командой Аркадий Иванович сказал только после того, как мы стали чемпионами... Да, мы все же стали чемпионами. Команда Чехословакии уступила шведским хоккеистам, которых мы обыграли вторично, и исход борьбы был решен в последнем матче, в котором мы встречались с канадцами. Мы выиграли этот матч и благодаря лучшей разнице заброшенных и пропущенных шайб добились невозможного.

Впоследствии я научился беречь нервную энергию, а главное, верить в чудеса, без которых хоккей не может существовать. Конечно, я понимаю, что на чудо можно надеяться, но нельзя самому плошать. Но это уже вопрос, связанный с мастерством. И здесь мне еще раз хочется вспомнить другого тренера сборной, сменившего на этом ответственном посту Аркадия Ивановича Чернышева. Бобров был в свое время первоклассным хоккеистом, одним из сильнейших мастеров своего времени, и, разбирая игру, делая замечания спортсменам, он не однажды приводил примеры из собственного опыта, доходчивые, заставлявшие нас задумываться.

Тот хоккей, в который играл Бобров и его товарищи, принес нам первые победы на чемпионате мира и на Олимпийских играх, но мы, их наследники, играем теперь иначе, действуем на других скоростях, и как же повезло мне и моим сверстникам, что Анатолий Владимирович Тарасов смог передать свой тренерский жезл одному из своих учеников, хоккеисту не вчерашнего, а сегодняшнего дня — Константину Локтеву. Локтев еще сравнительно молод, он хорошо помнит время, когда сам играл, и именно потому непреклонен в своей позиции. «Никаких скидок ветеранам — если хотите остаться на льду, чувствуйте себя молодыми»,— говорит он.

«Наше время уходит быстро,— говорит он и старшим и младшим,— век хоккейный короток. Вот и советую не давать себе послабления, не жалеть себя, не беречься на занятиях, не успокаиваться тем, что в каком-то матче можно выехать за счет опыта, не особенно утруждая себя...»

Дорожите хоккейным долголетием — призывает Локтев и дает нам на тренировках такие нагрузки, что и Тарасову не снились. Да, Константин Борисович Локтев, мой нынешний тренер, представляет новое поколение спортивных педагогов. С его приходом все в нашем клубе вроде бы осталось тем же, но в то же время и изменилось. И не могло не измениться. Ведь хоккей сегодня не тот, что был вчера.

А КАКОЙ ОН БУДЕТ ЗАВТРА!

Главный судья поднял руку, посмотрел в сторону одних, затем других ворот, а рефери, расположившиеся за воротами, зажгли поочередно красный свет. К матчу все готово. И шайба вброшена в игру. А вот и первая наша удача: мы выиграли вбрасывание. Мой товарищ, овладевший шайбой, откатился чуть назад, к своей синей линии, передал черный литой кружок набирающему скорость партнеру, и тот рванулся вперед. И сразу все пришло в движение. Мы мчимся к воротам спартаковцев, веером расходясь от товарища, владеющего шайбой, четверо наших соперников откатываются, а пятый приклеился к игроку, владеющему шайбой. Он отталкивает, оттирает его от шайбы, пытается поднять его клюшку, но тот уходит вперед, все увеличивая и увеличивая скорость. И вот мчится наперерез игроку с шайбой подмога — другой защитник, еще мгновение, и он всей своей массой, умноженной на огромную скорость, врежется в ведущего атаку. Так и есть! Сшиблись! Но наш товарищ лишь покачнулся, на ногах устоял, а вот шайба отлетела в сторону. Она уже у спартаковцев, и вот уже красно-белый клубок катится к противо-

положным воротам. Пас! Еще передача! Мощный щелчок! Вратарь парирует бросок, и шайба отскакивает к борту, но ее снова подхватывают спартаковцы. Их атака продолжается. Скорости нарастают. Пасы, финты, силовые приемы, броски, столкновения сливаются в один ослепительный вихрь, и трибуны, увлеченные жарким сражением, словно сдвигаются с места. Призывное «Шайбу!» гремит под сводами ледового дворца, и хоккеисты сменяются, не ожидая остановки игры, одна пятерка торопится покинуть площадку, а другая спешит ей на смену. Быстрее, быстрее! Шайба мечется по площадке, армейцы и спартаковцы, открывающие этим матчем новый сезон, играют, не жалея сил, их азарт передается зрителям, и гол, первый гол сезона, не остужает порыва...

Я смотрю этот матч уже не по телевизору, а со скамьи запасных. Для меня катастрофа, травма, госпиталь в Лефортове ушли в прошлое. Я уже выхожу на лед, я уже тренируюсь, но пока не играю. И вот слежу за матчем со скамейки запасных. Но разве это не победа, что я смотрю матч не по телевизору, а рядом с моими товарищами? Я рвусь на площадку, рвусь в бой и завидую тем, кто ведет борьбу на льду. Но зато вынужденная пауза позволила мне увидеть хоккей со стороны, еще раз убедиться в том, как прекрасна эта игра!

Да, я понимаю зрителей, ищущих «лишний» билетик. Их влечет, манит на стадион не желание узнать счет — ведь о результате матча сообщат радио и газеты. Они идут на хоккей, чтобы приобщиться к празднику, где скорости, краски, азарт сливаются в то неповторимое зрелище, что зовется хоккеем.

Современный хоккей немыслим без ослепительного темпа — именно этот темп и придает ему особый колорит. Недаром Анатолий Владимирович Тарасов вот как описывал мастерство Анатолия Фирсова: «В игре Анатолия поражает его **скорость.** Прежде всего скорость мысли. Порой мне кажется, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений — в горячей, напряженной обстановке, мгновенно ориентируясь, он находит самые неожиданные решения. Затем **скорость** исполнения того или иного технического приема, паса, обводки. И в-третьих, **скорость** бега. Три скорости, взятые вместе и перемноженные. Он мыслит в игре, не отделяя задуманное от исполнения, думает синхронно с действиями и думает синхронно с поисками правильного решения».

Мы, хоккеисты, не пытаемся соперничать с Евгением Гришиным, Ардом Схенком, Валерием Муратовым или Евгением Куликовым, олимпийскими чемпионами по скоростному бегу на коньках. У нас иная скорость, душа которой — смена ритма. Александра Мальцева догнать никто не может не только потому, что он стремителен в своих движениях. Вот он мчится что есть духу, и вдруг резкое торможение, мгновенная остановка — и уже нет рядом никого...

Я вспоминаю Мальцева, наблюдая за игрой молодого нападающего из нашей третьей тройки. Все время он в движении, не останавливается ни на мгновение, а мне хочется крикнуть ему: «Да затормози хотя бы разок! Переведи дух, оглянись! Вот же шайба рядом!» Но он катится и катится, расходуя свою скорость впустую. Он не хозяин скорости, а ее раб. Настоящий мастер никогда не торопится зря, да и когда убыстряет темп, то не копирует других, а действует по-своему. Взять хотя бы Александра Якушева. Он уступает Мальцеву в маневренности, но зато великолепно использует преимущества своего высокого роста, гарантирующего ему за счет широко расставленных ног повышенную устойчивость и в силовой борьбе и в жестком столкновении на высоких скоростях. Якушев способен выдержать атаку самого мощного защитника, не теряя контроля над шайбой.

Скорость в хоккее — это скорость умная. Вячеслав Старшинов никогда не спешил, но при этом никогда не опаздывал — он всегда был там, где нужно. А моя скорость — это скорость составления задач, которые не по силам разгадать защитникам. Перехитрить опекуна, поймать его на ложный прием, оставить его с носом доставляет мне, не скрою, величайшее удовольствие.

Вот мчатся на меня два защитника, каждый размером с приличную гору, но я спокойно иду на сближение, показывая то одному, то другому, что намерен провести поединок именно с ним, а в последний момент проскакиваю между ними, как между Сциллой и Харибдой, к воротам соперника. Так забросил я в Канаде шайбу в матче с хоккеистами ВХА, и этот мой гол показывали потом несколько раз по телевидению.

Но еще больше я люблю коллективные голы, голы, которые мы забиваем втроем — Борис Михайлов, Владимир Петров и я. В одну секунду следуют два паса в одно касание, шайба летит от моей клюшки к клюшке Бориса, от него в то же мгновение к Володе, и тот отправляет ее мимо защитников, мимо вратаря, выманенного вперед, в незащищенные ворота.

Хоккей — моя стихия, счастливое увлечение, эта искрометная, темпераментная игра неиссякаема, как неиссякаема в человеке жажда соперничества и самоутверждения. Шайба снова в игре, снова вскипают страсти, снова скорости кажутся уже неподвластными хоккеистам, снова летит на тебя защитник, и ты знаешь, что уступить ему не имеешь права: ведь «трус не играет в хоккей». И игра эта торжествует, живет, влечет миллионы мальчишек, мечтающих стать рядом с нами, прийти нам на смену.

Какой же он будет, завтрашний хоккей? Я всегда задаю себе этот вопрос, когда наблюдаю за маленькими хоккеистами на конкурсных отборах во Дворце спорта ЦСКА. Когда-то и мы приходили туда в надежде стать новыми Бобровыми, Майоровыми и Фирсовыми. Теперь у мальчишек другие идеалы — Мальцев, Якушев, Михайлов, Петров. А на кого будут равняться завтрашние хоккеисты? Какой тип хоккейного нападающего станет их идеалом? Кто ответит сейчас на этот вопрос!..

Харламовы — старший и младший.

Фото Ю. Соколова.

Дед Щукарь — И. Туйметов, Нагульнов — В. Лебзин.

О ПЕРВОПРОХОДЦАХ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

Бледнеют краски ночи; просыпается хутор Гремячий Лог — земля, на которой живут шолоховские герои. Начинается спектакль Владимирского областного театра имени А. В. Луначарского «Поднятая целина» М. Шолохова, поставленный режиссером О. Соловьевым как драматическая песня о героике тридцатых годов.

Спектакль насыщен музыкой Д. Шостаковича, С. Прокофьева; отличный живописный фон создан художником Ф. Назаровым. Низенькие плетни разгораживают хутор, а на горизонте — широкая степь, сияющая на солнце или окутанная мглой, с высоким звездным небом.

Поэтический этот фон подчеркивает высокий душевный строй героев-первопроходцев, патетику повседневных дел целины. Нагульнов — В. Лебзин именно поэтому предстает перед зрителями неожиданно красивым, статным, мужественным бойцом с чеканной, звенящей речью. Легко загорающийся, непримиримый к врагам революции и вместе с тем живой, страдающий человек, он глубоко затаил свою сердечную драму. Пожалуй, по-своему Нагульнов сильней и интереснее даже Давыдова (артист В. Смольников).

Отлично играет В. Лебзин сцену убийства Тимофея Рваного и прощания с Лушкой. Он строг и прост: низко склоняется перед ним Лушка — Л. Акинина... Длинная пауза насыщена внезапным чувством взаимопонимания таких далеких до этого, чуждых друг другу людей.

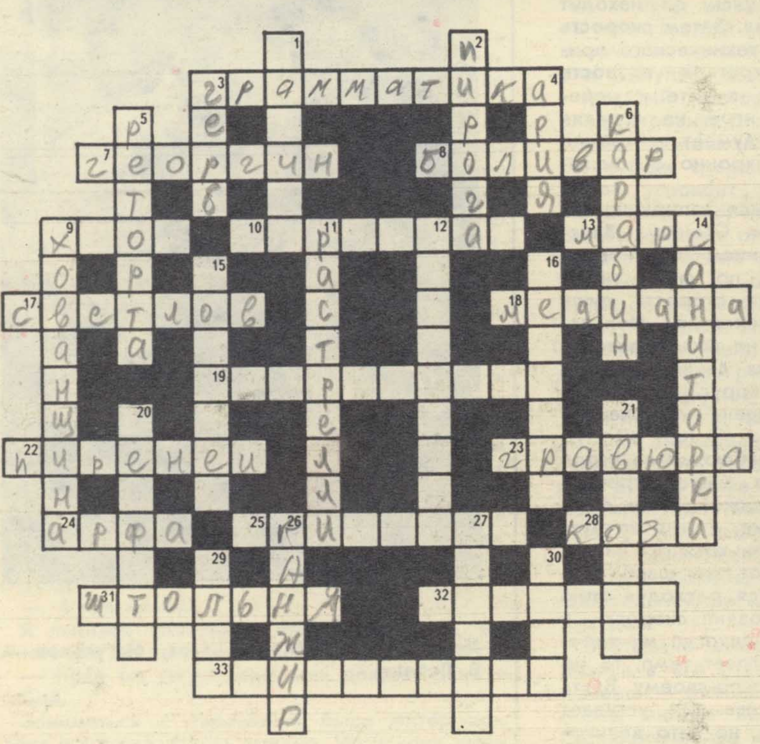
Таких сцен, решенных свежо и эмоционально, немало в спектакле. Особенно запоминается партийное собрание, где народ только что посмеялся над дедом Щукарем, а теперь сосредоточенно, на одном дыхании слушает Нагульнова... За всем этим ощутимая уверенность в силе партии, гордость за ее сынов — своих же хуторян.

С шолоховской глубиной раскрыты все ведущие образы героев; запоминаются даже эпизодические роли.

Цельно и крупно сложился спектакль о первопроходцах колхозной жизни.

И. КРЯКОВА
Фото А. Цветкова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Раздел лингвистики. 7. Цветок. 8. Денежная единица Венесуэлы. 9. Остров в Эгейском море. 10. Самопишущий прибор для записи атмосферного давления. 13. Планета. 17. Советский поэт и драматург. 18. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 19. Оптический прибор. 22. Горная система в Европе. 23. Вид графики. 24. Щипковый инструмент. 25. Древнегреческий астроном. 28. Жвачное животное. 31. Подземная горная выработка. 32. Советский авиаконструктор. 33. Лесная птица.

По вертикали: 1. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 2. Лодка у индейцев. 3. Отличительный знак государства, города. 4. Сольное вокальное произведение. 5. Лабораторный сосуд. 6. Короткоствольная винтовка. 9. Опера М. П. Мусоргского. 11. Архитектор, построивший Зимний дворец в Петербурге. 12. Часть почвы, непосредственно соприкасающаяся с корнями растений. 14. Работница медицинского учреждения. 15. Спортивные сани. 16. Краски, приготовляемые на яичном желтке. 20. Поэма Т. Г. Шевченко. 21. Химический элемент. 26. Построение в шеренгу по росту. 27. Выпуклое изображение на плоскости. 29. Глубокое русло равнинной реки, расположенное между перекатами. 30. Легкая сетчатая ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 3. Писемский. 6. Сажень. 7. Привал. 10. Автобус. 12. Кубрик. 14. Шалфей. 18. Аполлон. 19. Кларнет. 20. Гораций. 21. Окинава. 22. Пижама. 24. «Шинель». 26. Самолет. 28. Гепард. 29. «Ларчик». 30. Милашкина.

По вертикали: 1. Литера. 2. Сириус. 4. «Данси». 5. Гагра. 8. Котельников. 9. Рубильник. 11. Вертикаль. 13. Рубрика. 15. Лопахин. 16. Катод. 17. Юнган. 23. Манеж. 25. Инжир. 26. «Старик». 27. Тарань.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плакат художника В. Викторова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимний Кремль. Фото Н. Рахманова.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/X — 1976 г. А 00736. Подп. к печ. 2/XI — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2812. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2911.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПОСВЯЩ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Многое поймут и забудут дети, став взрослыми. Но никогда они не забудут этой высокой лестницы, приведшей их в театр. Не забудут фанфар, звеневших для них, лиц актеров, встречавших их, не забудут своего счастья, когда внезапно взовьется занавес и откроется перед ними другая жизнь, называемая Театром. Навсегда останутся они благодарны Центральному детскому театру, который устроил праздник посвящения в зрители и подарил им спектакль «Сказки Пушкина».

ЕНИЕ В ЗРИТЕЛИ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663